

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Вадим КРАБОВ

РУС.
ЗАГОВОР БОГОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Вадим Крабов
Рус. Заговор богов
Серия «Рус», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9487806

Рус. Заговор Богов: Фантастический роман: Альфа-Книга; Москва; 2015

ISBN 978-5-9922-1996-8

Аннотация

Уютный магический мирок меняется. Незаметно, исподволь. Виной тому служит наш с вами земляк, прибывший туда лет шесть назад. Рабов освободил – раз, эльфов изгнал – два, магические потоки перекроил – три. Правда, последнее по незнанию, но это его не оправдывает. Один из местных богов к нему благосклонен, другой снисходителен, третья ненавидит. Точнее, все небожители относятся к нему настороженно и пока смиряются, не желая нарушать закон о невмешательстве. Только на этот раз пришелец замахнулся на самую «волю богов». Терпение хозяев лопается. Месть будет ужасной. Держись, земля!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вадим Крабов

Рус. Заговор богов

*Поссорятся два великана, землю начнут трясти.
Группа «Пикник». Два великана*

Глава 1

Над безлюдной тирской степью висело жаркое марево. Довольный Рус лежал на жесткой траве, ломкой и колючей, как прошлогодняя солома, и так же, как солома, совсем не ароматной, а тускло пахнувшей безводной пылью. Воздух был необычайно сух и наполнен песчаной взвесью, противно скрипящей на зубах. В горле постоянно саднило и зудело, будто какой-то зловредный пакостник устроил там целый муравейник. Но сейчас Рус не замечал ни привычной, вместо небесной синевы, серой дымки, удушающей, как натянутое на голову ватное одеяло, не чувствовал горящего зева, не обращал внимания на стойкий запах далекой гари, до неузнаваемости изменивший легкий тирский воздух, когда-то напоенный ароматами разнотравья, – он блаженствовал. Отдыхал от долгого тяжелого труда, до которого наконец-то дошли руки. Они с Андреем только что завершили первое успешное испытание амулета «универсальной защиты» – итог их годовых усилий. Правда, не непрерывных, а скорее периодических: свободного времени ни у одного, ни у другого практически не было, – но тем не менее...

Много воды утекло с тех пор, как Рус раскрыл купеческий заговор в Кушинаре. За три года во всем мире произошло немало событий, но только в Тире вода утекла в буквальном смысле этого слова. Пиренгул, несмотря на всю свою власть, не смог оставить на «землях предков» не то что половину, но даже треть своего народа. Степи, города, поселения и стойбища практически обезлюдели. И дело было даже не в процветающем Кальварионе и развивающемся Альвадисе – богатейшей ресурсами «Белой долине», куда кочевников манило так сильно, словно те места и являлись завещанной предками «Землею тысячи колодцев»; точнее, не только в этом – большую роль сыграло наступление восточной пустыни, сухой и злобной Карагуль.

Как много, оказывается, для местной степи значили шаманы, а тем паче маги! Об этом никто не задумывался, даже дальновидный Пиренгул. С исчезновением лоосок, с уходом большинства шаманов, почти всех склонных к Силе Гидроса, на земли Тира стал наступать песок. Пересыхали колодцы, скудели пастбища, жухли посевы. Выжженная злым южным солнцем степь вспыхивала от малейшей искры. Оставшиеся шаманы с трудом гасили пожары, грозившие испепелить весь некогда цветущий Тир. Вымирали не приспособленные к безводью овцы и козы. Выносливые борки с единорогами все чаще и чаще бросали хозяев (что совершенно немыслимо!) и уходили в пятно. Самые крепкие, самые преданные родной степи люди вынужденно тянулись за ними, за своими кормильцами, моля всех богов и Предков о дожде. А высшие силы призывов не слышали, они наказывали некогда многолюдные земли за предательство, и не по-отечески, шлепая ремешком по мягкому месту, а лупя с размаху, до крови: осадки за последние два года выпадали так редко, что каждый кочевник мог вспомнить точную дату каждого такого события. И теперь на обширных тирских просторах оставалась лишь жалкая горстка населения, в основном живущая в городках, да и жили они чуть ли не исключительно за счет заморских поставок продовольствия, ставшего невероятно дорогим. Пиренгул даже вынужден был покупать хлеб за счет казны

и распределять его среди самых неимущих. И число их росло. Княжество Тир готово было прекратить свое существование, а тиренцам угрожало полное превращение в «кальварионцев» и «альвадинцев».

Рус как-то поговорил с тестем по душам:

– Пиренгул, я все понимаю, земли Предков и все такое. Ну, придут туда месхитинцы, их орденские маги наладят водоснабжение – чем плохо? Мне и самому жаль «Закатный ветерок», но согласись, что здесь, в долине Кальвариона и в твоей Альваде – всем тиренцам места за глаза хватит! А сбыт здешних богатств наладим по той же дороге, по которой сейчас центральные страны в пятно идут, мимо Кагантополя на Далор. А там – море и торговля со всей ойкуменой. Не посмеют они таможни устроить.

В последней фразе, однако, мелькнула неуверенность. Правитель подтвердил его опасения:

– Посмеют и устроят! Нынешний договор сам собой сойдет на нет, а новый, на обратный беспопытный проход к портам, месхитинцы, или кто там вместо них Тир займет, ни за что не заключат! Во-первых, не захотят, а во-вторых – с кем? С владельцем какого-то Альвадаса? А где оно, это княжество или царство? Где? Пока никто его не признал. Кальварион, об который зубы обломали, и то официально не признают, кривятся... – На этом слове князь сам презрительно выпятил губу, показывая свое отношение к «коллегам». – Из-за твоих рабов, между прочим. Зачем их тут столько? Половина населения, считай!..

– То не моя воля, Пиренгул, а Эледриаса, – поправил его Рус. – Какие же они мои?

– Хорошо, Эледриаса, – легко согласился князь, несколько не изменив своего мнения.

Местный бог, «защитник и освободитель» – буквальный перевод имени «Эледриас», – находился с его зятем в тесных запутанных отношениях. В народе поговаривали, а дочь заявляла прямым текстом, что они были кем-то наподобие «побратимов». Конечно, с поправкой на то, что Рус все же человек (в чем Пиренгул иногда сомневался), хоть и пасынок другого бога, Френома. Впрочем, во втором «родстве» были убеждены только его соплеменники-этруски, которые уверяли, что их бог усыновил Руса. За какие достижения – неизвестно.

– Центральным странам зазорно признавать грязное скопище бывших рабов за полноценное государство! – раздраженно выплеснул владелец Альвадаса.

Рус посмотрел на тестя с укором, как на не оправдавшего надежды школьника:

– Пиренгул. Ты прекрасно знаешь, что дело не в этом! Сильвалифирию, где бывшие рабы и вовсе основная часть населения, – признали. Завидуют они нашим сокровищам! Даже не столько им – сколько готовому городу, о котором бесчисленно разнеслось восторженных слухов. Им-то приходится самим строиться. Все окрестные долины, сволочи, заняли... Нет, тесть, не переживай так за Тир: боги дали – боги взяли... или Предки, не важно...

– Очень важно, Рус, ошибаешься ты! – горячо ответил вспыхнувший Пиренгул. – Никакого нового договора не будет, а старый сам собой кончится, в связи с прекращением существования государства Тира! – Но далее продолжил менее раздраженно: – Ты, может, думаешь, что я за свою власть цепляюсь? – Рус надулся и глупо выпучил глаза. Мол, и тени сомнения не закрадывалось! Если бы тесть плохо знал своего зятя, то поверил бы в искренность. – Хм, – усмехнулся он, – не веришь... Да и Тартар с тобой, не верь! Только протухнем мы здесь, в Кальварионе с Альвадисом без внешней торговли, а она возможна только через тирские порты... ну, это ты понимаешь, вижу. А они... не важно кто, кто бы ни расположился в покинутом Тире, просто так нас к морю не пропустят. По дешевке скупать каганит да амулеты – будут, но позволить нам самим торговать – ни за что! Я бы сам на их месте так поступил...

И пришлось почти всем немногочисленным магам-Текущим, состоящим у Пиренгула на службе, вернуться в Тир и пытаться хоть как-то бороться с засухой. Пришлось, не жалея ног, ибо «пахали как борки» в буквальном смысле: надо было много ходить, чтобы подтянуть глубокие грунтовые воды к поверхности на как можно большей площади. С начала весны – до конца лета. На следующий год опять. Но их было слишком мало. Пески лишь немного замедлили свое победное шествие.

В число тех магов входил Андрей, а во второе лето к нему стал присоединяться Рус. Помимо выполнения ирригационных работ, в часы отдыха друзья вспомнили и занялись экспериментами по созданию «универсальной защиты».

Рус, конечно, не был Текущим. Он как Хранящий помогал выводить на поверхность земли воду, которой течь по разломам-каналам невероятно легче, чем просачиваться сквозь грунт. И колодец вырыть ему было просто, все равно что пальцами щелкнуть. Причем глубина некоторых скважин получалась такой бездонной, что в ней терялось эхо.

Когда Рус сделал такой, с позволения сказать, «колодец» в первый раз, Андрей не преминул сыронизировать:

– На дарков хотел полюбоваться? – Имел в виду простонародное поверье о подземном обитании этих аналогов земных чертей.

– Бери выше, Тартара! – Рус с удовольствием поддержал шутку.

– Ох, Чик, вечно ты что-нибудь выдумашь! Ну, подниму я воду, прольется она на землю, а дальше? Просочится обратно. Толку ни-ка-ко-го! Я же тебе уже объяснял о водоносных слоях...

– Да-да, я помню. Вот и ходи давай ножками по всему полю, тяни воду на тот слой, а я за тобой буду шагать и колодцы варганить. Как последние ученики мы с тобой выглядим, обратил внимание? Потом сюда явятся полудохлые людишки, которых тут на пальцах пересчитать можно, принесут ведра, веревки и начнут поливать. Красота! Хлеб как поперет расти! Смотри, – сказал, обращая внимание друга на окрестности. – Все поле засеяно, и не все еще ростки посохли. Жалко, если пропадет.

– Ага, а ты, значит, собрался сделать добро и устроить им водопровод, как в лучших городских домах... – Андрей, родившийся и выросший в Месхитополе, в одном из крупнейших полисов ойкумены, не проникся заботой о труде земледельцев. Что он мог для них сделать?

– В каганских, – перебил его Рус, подняв статус будущего водопровода. – Специально на холме бурил, чтобы вода в поле сама бежала. Я еще канавки для равномерного стока сделаю.

– Чик! – Андрей от возмущения вскочил. – Это же сколько Силы надо потратить, амулетов, эликсиров! Да их же заряжать и менять раз в полгода придется! И сколько это будет стоить?! А регулировка поступления, а заслонки? Все-все придется делать! Не потянут местные...

– А мы им все это подарим! – торжественно произнес Рус. – У нас этих эликсиров да заготовок для амулетов – хоть вяль, хоть соли. Все равно сбыт ограничен. Тебе что, жалко? Ну и придешь раз в полгода, зарядишь – не переломишься.

Андрей соображал быстро: нудное ученическое занятие – поиск и подъем подземных вод – против интересной работы, достойной мастера. Деятельный Текущий, удивившись: «Как я сам-то не догадался?» – обрадовался:

– Дарки! Чик, ты на все готов, лишь бы побездельничать!

– Лень – двигатель прогресса, – глубокомысленно пояснил Рус. По-гелински это выражение звучало еще более парадоксально.

– Да уж, мне бы такую лень... Ну как это у тебя так получается?! – Андрей задал риторический вопрос, воздев руки, будто обращался не к другу, а к кому-то повыше. – За эликси-

рами, заготовками, стикерами¹ идти, конечно, мне... – сказал упавшим голосом, будто действительно предстоял долгий изнурительный поход.

– Ты в Кальварионе заведешь мастерской... – ответил Рус, делано зевая. – Я пока посплю. Местные координаты не забудь снять, – пробормотал, как будто в самом деле уже проваливался в сон. И, словно со стороны, отметил, что они с Андреем ведут себя, как дети. Это его еще больше позабавило.

Андрей иронически покачал головой. Через несколько ударов сердца под ним возник круг цвета морской волны, отдаленно напоминающий плоский, резвящийся на большой сковороде водоворот. В него и провалился.

Рус пробовал просить Великих шаманов, но те смогли устроить лишь несколько коротких ливней в непосредственной близости от своего плато.

«Надо сгонять тучи почти со всего побережья, – объясняли они, – слишком сухо. Увы, в призрачном виде мы не такие крутые... вот раньше, эх!» – Дальше Рус их хвастовство пресекал.

В Эолгуле функционировал один-единственный орден – Исцеляющих. Другие эндогорские филиалы, вернувшись после отражения набега коалиционных сил, собрали все свое хозяйство и «эвакуировались» окончательно. Многие ученики, недолго погоревав, помучившись от стыда за «предательство» своей альма-матер, «бросившей» их родину, поехали следом. Коль наделил тебя бог склонностью к своей Силе, то негоже разбрасываться возможностью научиться управлять этим божьим даром. У тиренцев не осталось ни одного магистра Текущего и Ревущего, которые совместными усилиями еще могли бы что-нибудь устроить, да и то недалеко от моря. Не удержали бы и не дотянули тучи, полученные конденсацией морского пара, на полсотни миль вглубь степи, до первых поселений хлебопашцев. Не в человеческих это силах. А если создавать воду магическими структурами, то пользы от нее никакой не будет – через пару статеров она спокойно превратится обратно в Силу. Поднятие глубинных вод – единственное спасение от засухи, не считая мольбы Гидросу, который почему-то не отвечал. Ходили слухи, что он специально наказывает тиренцев за то, что они соблазнились пятном. Может, это и правда. В этом мире, созданном богиней Геей, наполненном богами со сложными, почти человеческими характерами, – и не такое возможно.

Рус не стал ничего выдумывать. Добыл из земли глину, слепил из нее точную копию земной деревенской «колонки» с отводящим краном и рычагом-заслонкой, укрепил эту конструкцию структурами. Поколдовал над эликсиром из порошкового каганита, смешал его с вытяжкой из «каганского масла», окунул в полученную массу стикер и легко, одним росчерком нарисовал на своем сооружении Знак долговечности. Андрей же поместил внутрь «колонки» изумрудный амулет, под завязку наполненный Силой с единственным свойством: подъем воды. Друзья дождались прихода старосты поселения – сухого пожилого тиренца, во взоре которого легко угадывалась безысходность, продемонстрировали ему ирригационное сооружение, объяснили, как им пользоваться, и быстро ушли «ямой», напоследок добавив: «Сие есть дар от князя Пиренгула. Он помнит о нуждах своих подданных!» Андрей не удержался от игривого пафоса – уж больно оторопевшим выглядел старый, но еще крепкий мужик с заскорузлыми натруженными пальцами (и это староста!). В его ошеломленном виде угадывалось все: надежда, недоверие, радость и сожаление об упущенном времени. Он словно говорил: «Что же вы так поздно, сынки?» Потом возник страх: «Сколько же за это чудо запросят?!» – его и заметил Андрей, потому и успокоил.

¹ **Стикер** – заостренная палочка или кисточка с вложенной структурой, не позволяющей сложным эликсирам распадаться. Стикер обмакивают в алхимическую смесь и рисуют Знаки на оружии или руны на амулетах. – *Здесь и далее примеч. авт.*

В «Закатном ветерке», как и весь Тир, тронутым запустением, он поинтересовался у друга:

– А не раскурочат твою глиняную трубу? Поди, догадаются, что там внутри дорогой амулет.

– Не, ее молотом не разобьешь. Укреплена, как городские ворота. Пожалуй, получше «пыльной стены» будет... – ответил Рус.

Друзья выпрыгнули на привычной поляне в гоштовом саду среди наполовину высохших деревьев и ступили на пожухлую, иссушенную солнцем траву, присыпанную пока еще тонким слоем пыльного ярко-желтого карагульского песка. Разговаривая, шли к дому, предвкушая вкусную еду, которую готовили две оставшиеся на вилле поварихи, и старались не обращать внимание на явные признаки наступления пустыни, уже достигающей сердца Тира, его столицы.

Бассейн во внутреннем дворе пересох, но в доме водопровод работал исправно. Заметив хозяев виллы еще издали, Асмальгин распорядилась быстро разогреть давно готовую еду и вышла встречать совладельцев. Домоправительница, как обычно, пожаловалась на страшную дороговизну всего, особенно продуктов на оскудевшем рынке и на нехватку слуг, из-за которых дом и сад стояли полузаброшенными. Посетовала на тяжелую жизнь вообще и на свою судьбу в частности: мол, когда же Рус заберет ее в Кальварион, о котором ходит столько восторженных слухов. После всего не удержалась и выплеснула на Руса, которого считала очень покладистым, свое сожаление и снова как бы намек на просьбу:

– Умирает Эолгул, господин Рус, видят Предки – умирает. Это все лооски, которые проклинали наши земли перед тем, как всем до одной издохнуть!

Это было явное преувеличение. Скончались только самые сильные жрицы, а остальные превратились в обычных, не склонных к Силе женщин. Некоторые убили себя (отравились, повесились, утопились), а многие просто пропали, словно их никогда и не было. Затерялись, растворившись среди населения без всякой магии: зеленоглазые красотики идеального телосложения превратились в ничем не примечательных матрон. Разве что, несмотря на возраст (от старух до юных девушек), сплошь незамужних и бездетных. Возможно, и в Эолгуле осталось несколько бывших младших жриц, тщательно скрывающих свое прошлое. Асмальгин не видела и неувязок с «проклятием», которое два года назад, с началом массового бегства рабов в пятно, она сама считала направленным исключительно на невольников, а теперь расширила на все пятно в целом.

– А может, эта засуха, подобной которой на моей памяти не было, а я уже пять десятков годов на этом свете мучаюсь, – это Знак от них, от Предков, да не иссякнет память о них! А?

– То есть? – не понял Рус.

– Второй год не посылают они дождей, а в Кальварионе, говорят, все благоухает! Это правда?

– Да.

Хотел добавить, что там всегда благоухает, но домоправительница не дослушала.

– Это Знак нашему кочевому народу! Предки хотят, чтобы мы все, все тиренцы ушли туда! – воскликнула она с неприсущим ей фанатизмом и, вдруг осознав это, стушевалась. – Я правильно думаю, господин Рус?

– Ох, Асмальгин! Видят боги, не до тебя сейчас! То у тебя пятно проклято, то там, наоборот, счастливые долины Предков – не поймешь. На стол накрыто? Мы с господином Андреем борка готовы съесть...

Домоправительница с достоинством поклонилась, пряча смущение, и торжественным движением руки открыла путь в столовую, откуда доносились волнующие голодное естество запахи.

Вот за этим обедом Рус и вспомнил о давних задумках «универсальной защиты». Поделится соображениями с Андреем, тот горячо поддержал это начинание, идущее наперекор Воле богов в том виде, в котором ее преподносили в орденских школах. И в перерывах между заботой о мелиорации вверенной им части тирских посевов старые друзья приступили к реализации невозможного. Благо необходимые алхимические ингредиенты теперь всегда носили с собой, в пространственном кармане Андрея.

К сожалению (а для Руса – к счастью), зять Пиренгула не мог тратить свое время исключительно на помощь тестю. На плечах князя Руса Четвертого лежали Кушинар, который просто опасно было надолго оставлять без присмотра, и Этрусия, куда его, пасынка их бога – Френома, часто звали поприсутствовать то там то сям; хотя сам пасынок считал, что в царстве славных воинов он лично уже не требовался: Эрлан отлично справлялся с царской должностью, а «заветов» Рус написал лет на полста вперед. Орден Призывающих расправлял крылья – даже самые ярые противники нового подхода к воспитанию Духов соглашались с тем, что орденские ученики стали намного сильнее среднего воина Призывающего. Школьные жрецы-наставники только-только освоили Русов курс, который он им закончил начитывать еще полтора года назад, а учить их дальше – только портить. Пусть сначала эти знания дойдут до автоматизма. Страсти между грусситами и грасситами, периодически вспыхивая, все же сходили на нет. В общем, личное присутствие Руса в той большой северной стране требовалось исключительно на праздниках. А был еще и Кальварион, где его и боялись и боготворили как «побратима» Эледриаса и эксперта «по каганам», и где его всегда ждала любящая жена, которая, кстати, решила-таки исполнить свою главную миссию – забеременела.

Когда Рус узнал об этом – задохнулся. Стал опасаться лишний раз потревожить жену, гордился своим скорым отцовством и толком не понимал чувств, которые при этом испытывает. Жалел Гелинию, придавленную грузом забот о собственном неустроенном княжестве, помогал, чем мог, уговаривал не принимать проблемы близко к сердцу. В спальне старался быть обходительным и, насколько получалось, нежным. Жаль, что из-за засухи и других своих дел ночевать в обнимку с женой удавалось редко.

Надо упомянуть еще и лесное царство Сильвалифирию, где Рус тоже время от времени появлялся. Так что Андрей в полях часто оставался один, и работа над «универсальной защитой» растянулась на целый год.

Дело было не только и не столько в вынужденных перерывах, а главным образом в той самой Воле богов, будь она неладна. Иначе за тысячелетия развития магии, тем более за последние пять сотен послесумрачных лет, когда доступные людям Силы богов возросли и обрели более-менее четкие законы, когда появились уникальные алхимические возможности, такой амулет давно бы создали. Собственно, какое-то подобие «универсальной защиты» и было придумано – это Знаки. Особые рисунки из алхимических эликсиров, наносимые магом на твердую поверхность под речитатив специальных молитв придавали вещам разные свойства: укрепляли материал, защищали от воздействия структур, усиливали проникающую способность и так далее. Еще в некоторые Знаки можно было добавить мини-структуры, например, «разрывающие» или «отравляющие». От последних Андрей чуть не погиб, но это старая история.

Рус на основе простейшей земной механики давно создал «отражатель» – хороший амулет для защиты от воздействия структурированной Силы. Атакующие структуры, попадая под воздействие этого артефакта, разрушались, а высвобождающаяся Сила как бы обтекала носителя амулета. Однако против немагического оружия «отражатель» был бессилен: Знак «стирался», а стрела продолжала свой смертоносный путь, даже не замедляясь. Диверсанты, защищенные от магических ударов, получали ранения, а то и гибли от обычного железа. Не так давно, перед тем самым разговором с Андреем, Рус, теперь уже на основе

местной «пыльной стены», сделал амулет, защищающий любого человека (хоть склонного к Силе, хоть нет) от «честного» железа. И очень гордился тем, что сам поработал алхимиком, а не просил Андрея.

Если с необходимостью вручную активировать-деактивировать амулет еще можно было смириться (иначе ни попить, ни покушать), то неприятное открытие того, что оба вида защиты нейтрализовали друг друга, даже когда находились каждая в своем «камне», а не только при попытке их совмещения, казалось, рубило саму идею под корень.

– Чик! – разгорячился Андрей. – Я понимаю, ты – пасынок Френома, побратим Эледриаса, практически божественных кровей...

– Брось, Андрей! – раздраженно прервал его усталый Рус. – Что ты повторяешь разные глупости за простонародьем? С Френомом, каюсь, правда, но зачем разносить эти слухи о якобы побратимстве?

Он никому не рассказывал о своих «встречах» с Эледриасом и Эскулапом.

– Да что ты говоришь! – возмутился Андрей. – А кто боялся в пятно шагнуть? Кто заставил Грацию принять посвящение тогда еще нерожденному богу? Уж по крайней мере – не я! А откуда у тебя столько знаний о каганах и альганах? Я смирился, ни о чем тебя не расспрашиваю, но народу языки не привяжешь. Так что будешь побратимом! Радуйся, что хоть кровным братом тебя не считают, а могли бы... – Текущий выдохся и устало, даже со стариковским – явно напускным – кряхтением, сел на белесую траву, которая сухо захрустела под ним, словно выражая негодование. – Думай, Чик, у меня идей нет. Где твоя божественная наглость?

– Была да сплыла... – задумчиво ответил тоже успокоившийся друг. Лег на землю, привычно не замечая поднятой им пыли, так и норовящей пощекотать в носу, дабы вызвать сопливый чих. Стерпел. В руке появилась медная фляга, он с наслаждением сделал один глоток и предложил Андрею. Тот взял и попил от души, напоследок крякнув от удовольствия.

– Вспотеешь, Андрюша, – подколот друга Рус.

– А я – Текущий, вспотею – высохну. Ну не могу терпеть так, как ты – каменный. Приятно на жаре испить холодной водички, согласишься. Словно божественный нектар по горлу льется...

– Кстати, фляжечку наполни, пожалуйста. Родничок похолоднее отрой.

– Сейчас, отдохну немного. Чуть до отката с тобой не дошел. Соленая ему, видите ли, вода пошла... а пресная еще глубже залегает, между прочим...

Андрей ворчал, чтобы не было скучно, а Рус размышлял.

Он уже пожалел, что взял за основу «пыльную стену» – чисто местное творение. Вроде разобрался в ней, изучил «от» и «до», а что-то упустил. И уже догадывался, что именно, – Волю. Исповедуя принцип «от добра добра не ищут», полностью положился на искусство местных магов. Сильно врос он в местный мирок, и это давало свои минусы. Земля забывалась, ее реалии становились все менее фундаментальными, а магия, с ее почти полной иррациональностью, уже воспринималась как норма. Рус постепенно терял то, чем и был силен – веру в неизменность мира, в его незыблемые объективные логичные законы. Раньше это мешало ему поверить в свою Волю, а теперь, когда он ее осознал и побывал на короткое время Богом, стало препятствием в обратном – внесении земных законов чисто технологичного, научного мира в местные магические Силы. Слишком близко он познакомился с магией и поверил в ее действенность почти так же, почти на том же бессознательном уровне, как верил прежде в обычные физические явления. Например, в закон всемирного тяготения, который, кстати, здесь пока что преодолеть не смогли. Люди не летали – ни как птицы, ни при помощи «ковров-самолетов». Даже маги-Пронзающие умели заставлять левитировать исключительно неодушевленные предметы. Стоило сесть на то же бревно человеку – и на пядь поднять не смогут. Самих себя от земли отрывать не получалось. Магистры Реву-

щие при помощи сложнейшей структуры могли совершать длинные прыжки. И это все! Ну, Хранящие наловчились подниматься на своих «лифтах». А где полет? Не встречалось еще на благословенной Гее такого явления. Слияние с Силой и перемещение могучих магов над поверхностью – не совсем то. В этом случае само тело «теряется». Да и перевелись те досумрачные мастера, теперь это умел один Рус. Возможно, и некоторые магистры, чтобы компенсировать потерю Звездных троп, тоже научились – Рус о том не ведал. Отиг точно пока не мог и, похоже, освоив «зыбучую яму», особо не стремился.

Андрей прервал вяло копошащиеся мысли друга:

– Может, бросим этот амулет к даркам!

– В смысле? – Рус удивился, сел и бросил на Андрея непонимающий взгляд. И чуть было не обманулся: лицо друга было непроницаемо серьезно, но где-то в глубине глаз плясали дарковы огоньки, которых «актер любительского театра» скрыть не смог. «Ну, черт Текущий! Зацепила тебя, зубрилу, эрудита задачка...» – довольно отметил Хранящий.

– А ты, Чик, вспомни историю. – Андрей говорил самым серьезным тоном. – После Сумерек случилась Война орденов. Из двадцати осталось девять: Пронзающие, Ревущие, Текущие, Пылающие, Хранящие, Светящие, Исцеляющие, которые не воевали, а также Родящие и Ищущие, которые сейчас сгнули. То есть осталось семь сильных магических сообществ... но речь пойдет о тех временах, когда было девять. Тогда маги решили и государства потеснить. Помнишь, чем все это кончилось? Большими потерями с обеих сторон и заключением всеобъемлющего клятвенного договора «Об основах доброй жизни между государями и склонными к Силе». Орденам предписывалось создавать практически независимые друг от друга отделения во всех странах и их фактическое подчинение владельцам этих стран...

– Ну, Андрей, мы-то с тобой знаем, что ордены все равно остались государствами в государстве. Царь не может управлять генералом...

– Правильно! Он может только просить. А ты слышал, чтобы хоть кто-нибудь отказывался? Я – нет. В армиях всех просвещенных стран есть разнарядка на орденских магов...

– Которые служат за деньги, которые царь или князь выплачивает ордену. Кроме того, при каждом уважающем себя ордене есть совершенно неподотчетная государю гвардия...

– Далеко не при каждом! Лооски да Пылающие скорее исключение...

– ...которое подтверждает правило. Могут? Могут. И царь ничего не сделает... А, вообще, ты это к чему?

– А к тому я, разлюбезный мой Чик, что в ойкумене сложилась такая ситуация, какая сложилась... Дарки, Чик! Сбил меня с мысли своей гвардией... Во! Какое ни есть, но равновесие существует. А что мы пытаемся сделать сейчас, в довесок к твоему «отражателю»? Амулет «универсальной защиты»! – Торжественный тон подкрепился поднятым вверх пальцем и воспаленным взглядом. – Ни мечом меня не возьмешь, ни структурой! Я – не склонный к Силе, любого мага в землю втопчу и попляшу на его могиле! Чуешь, чем пахнет?

– А-а-а, вот ты о чем! Я думал – о чем-то серьезном. Да ничего с так называемым равновесием не случится: оно выгодно всем, и никто из царей и генералов и не подумают на него покушаться. Нашел о чем беспокоиться, тоже мне...

– А о чувствах магов ты подумал? – упрямо, явно играя, не сдавался Андрей. – Раньше они считали себя чуть ли не посланниками богов, теперь согласились быть «склонными к Силе», что тоже, по сути, высшее благоволение. Они же любого человека могут скрутить! Не буквально, конечно, законы в большинстве стран соблюдаются, но сама эта мысль им душу греет...

– А теперь, стало быть, они не смогут чувствовать себя всемогущими... И дарки с ними! Меньше надо чваниться и строить из себя небожителей. Ну, хватит, Андрей, – сказал Рус, вставая. – Тебя я знаю, ты не такой, а поэтому... давай-ка работать.

– Эх, Чик, Чик, Френомов ты отпрыск. – Андрей медленно поднимался, усиленно кряхтя и хватаясь за поясницу. – Меня, старика, не жалеешь, как не жалеешь ты все мироздание. Почто Эребуса обидел, изверг? Лоос я тебе еще могу простить... а красоту-лек-лоосок – никогда! – Нарочито хромая, он подходил к невозмутимому Русу и продолжал дурачиться, говоря дребезжащим стариновским голосом: – Ты зачем «Ссору» устроил, громила? А каганы с альганами чем тебе, душегубу, не угодили? Законы свои в мире устанавливаешь, аки бог какой... – При этом, не глядя другу в глаза, так хитро косился исподлобья, что Русу почудилось, будто Андрей заглянул ему в душу. Пасынка Френома невольно передернуло: «У, черт артистичный! Все хочет, чтобы я признался. А я думал, он давно успокоился... Обломись, Андрюша! Ты выстроил мою биографию, ей и довольствуйся... Ха! А расскажи я сейчас правду, что я просто человек из немагического мира – это будет шагом назад... но надо когда-нибудь... с доказательствами... потом! Блин, влез в душу, артист... а о законах, которые, мол, я устанавливаю, хорошо, что напомнил... кажется...» – Додумать не успел, потому что провалился в «изумрудный омут» – андреевский аналог его «зыбучей ямы».

Выпрыгнули друзья у знакомого Русу городка Баламбор, возле которого состоялось генеральное сражение тирской армии против войск коалиции центральных стран. Тогда тиренцы победили, но и собственные потери оказались невосполнимыми. Вызванные Русом этруски подошли слишком поздно. Пять сотен он отправил в Кальварион, и с тех пор они занимаются сопровождением караванов, которые помогают кормить голодный Тир, другие пять сотен распределились вдоль тракта, по которому, согласно договору между Тиром и несколькими центральными странами, жители любых государств, в том числе и армейские части численностью не более сотни, могли свободно проходить в пятно и обратно.

Сражение прошло давно, а места вокруг мертвецки тихого наполовину опустевшего Баламбора выглядели гораздо хуже, чем во времена той знаменитой битвы. Карагуль, что в переводе и означает «сухость», наступала...

Глава 2

Рус зацепился за фразу Андрея: «Законы свои устанавливаешь», – и решил полностью отказаться от полюбившейся ему «пыльной стены». Чем плоха механика «отражателя»? Ничем! Он вспомнил о своей старой непоколебимой, пусть и наивной уверенности в абсолютном торжестве земного образования над местным «дикарством». Тщательно рассмотрел схему «отражателя»: флюгер, поворачивающийся от источника Силы – точно так же, как реальная конструкция от ветра, на этой же оси закреплены «зонт» в сложенном виде и «парус», сидящий на открывающем-закрывающем «купол» рычаге. В зависимости от наличия или отсутствия потока Силы, «парус» приводит в действие рычаг, который в свою очередь распаивает «зонт», таким образом отсекая поток. Так как «чистая» Сила не имеет направления, то любой ее поток и есть структура. Просто как все гениальное. Конечно, и в астрале и в реальном мире вся эта конструкция, выполненная из нитей Силы, то есть структура, выглядит совершенно по-другому, но суть остается такой, какая была заложена создателем – Русом.

Разобрав и освежив в памяти схему, Рус вдруг понял, что это, собственно, и есть почти готовая структура «универсальной защиты». Обозвал себя нехорошими словами, самыми мягкими из которых были: «На фига я взялся огород городить с этой «пыльной стеной»? Хотел, как полегче, а получил, как всегда...» – и принялся добавлять в старую систему недостающие «детали». Если поток Силы он мысленно обозвал «ветром», то материальные объекты... тут он надолго задумался, на пару месяцев. Важны и масса и скорость приближения... В конце концов плюнул и назначил таким объектом горсть песка. Хранящий он или нет? Кучно летит – меч или копье, рассыпчато – стрела. Отлично! Песок тоже отклоняет флюгер, только его надо укрепить, чтобы не сломался от веса. В итоге, спустя еще десять месяцев, подверглась укреплению вся структура-конструкция. По ходу дела, вспомнив жалобу Леона, как его чуть не сожгло обычным перегретым воздухом из разрушенного «огненного шара», пришлось добавить и защиту от других физических факторов: жары, холода, давления, кратковременного отсутствия воздуха, которое опосредованно, не касаясь структуры «смерча», могли создавать Ревущие высоких рангов. В Русовом астрале «универсальная защита» наконец-то после многочисленных доработок стала действовать безупречно. Настал черед создания амулета и испытания в «реальности».

Однако после первой же серии ударов и обстрелов Андрей с Русом буквально взвыли: получился тот же самый «отражатель», с единственным отличием – для его функционирования требовалось больше Силы. Не воспринимал он физические объекты, хоть ты тресни!

– Должен работать, Андрей, должен! – ярился Рус. – Я в этом уверен, а значит, так и должно быть!

– Ты успокойся, Чик, охладись. Воля у тебя сильная, но ты не бог, а лишь пасынок бога... или сын?

– Да иди ты со своими сыновьями!

– Тогда тем более. Против Воли богов не пойдешь, на ней весь мир стоит.

– На них стоит, говоришь?! – взвился Рус. – Да это они на мире, на людской вере сидят!

Через несколько вдохов-выдохов Рус осознал свое явное преувеличение, мысленно попросил прощения у Величайшей и поправился:

– Ну, конечно, все взаимосвязано. И люди живут благодаря их Воле...

Андрей неодобрительно покачал головой. Хоть он и привык к богохульству друга, но все равно чувствовал себя в этот момент неуютно и молился всем богам, прося простить неразумного «пасынка могущественного, но излишне горячего Бога».

И вдруг во взоре Руса зажглось понимание. Черные зрачки наплыли на серую радужку и в глубине темного бездонного провала Андрей разглядел... что-то совершенно нечеловеческое. И почудился ему хохот, идущий из самых глубин. Он бы заледенел от ужаса, если бы в том смехе не различалось явное облегчение и ироничное веселье, словно говорящее: «Какой я был дурак!» Не успел Андрей испугаться за собственное здравомыслие, не успел усомниться в душевном здоровье друга, как глаза Руса приняли прежний обычный вид. Досадно качая головой, он снял с себя новоиспеченный амулет, отбросил в сторону и с присказкой: «Мир, говоришь, стоит... хм» – скомандовал:

– Ударь меня мечом!

Над ним засветилась непонятная слабая структура.

Андрей безразлично пожал плечами, материализовал в руке «Утреннюю росу» и несильно рубанул друга поперек живота. Каково же было его удивление, когда он, уже решив остановить меч, почувствовал, как клинок налетел на что-то упругое, сверкнувшее слабеньким желтым светом. Оторопевший Текущий поднял взгляд и увидел на лице Руса выражение полнейшего удовлетворения. Друг кивнул, сказав, казалось, одними глазами, но Андрей догадался: «Бей еще!» И он бил, и колол, и каждый раз меч отскакивал, будто налетал на прыгучую сеть, сплетенную из тягучих волокон какого-то южного дерева – любимое детское развлечение. Потом он обстреливал Руса из лука, подкрадывался с кинжалом и вонзал исподтишка... А теперь уже удивлялся Рус – на такое «подлое» применение оружия он не рассчитывал, но структура срабатывала идеально!

– Что это значит? – наконец-то спросил Андрей, когда друг изволил скомандовать «хватит», и они сели на землю.

Рус ответил не сразу. Видно было, что он, закрыв глаза и то хмурясь, то улыбаясь, словно разговаривал сам с собой. Хотя губы не шевелились. «А может, это... с самим?... с отцом-отчимом?..» Внутри Текущего похолодело. Он невольно сплотнул.

– Нет, Андрей, – заговорил Рус сразу, как только открыл глаза, – это я с Духами. Рассуждал, так сказать. Я не понял... – и замолчал.

– Что не понял?

– А ни дарка я еще не понял! – неожиданно весело воскликнул Рус. Повернулся к другу, заговорщически подмигнул: – Давай амулет переделывать. Так... нет, совсем новый изумруд, чистейший, есть?

– Слушай, Чик, ты меня совсем запутал. У тебя с головой все в порядке? – Рус промолчал. – Кхм. Вообще-то мы столько трудов вложили и самый чистый, с самым упорядоченным строением, без обрывов, как ты изволил выражаться, камешек использовали. Если только алмаз попробовать... Ты что, саму структуру поменял?

– Вот же Тартар! – Рус с досадой хлопнул себя по лбу. – Совсем из головы вылетело! Есть же у нас нормальный амулет, я ничего не менял, – сказал он, поднимая с земли отброшенный медальон. – Что ж, давай испытывать.

Следующий статер пасынок Френома позволял себя избивать. Наконец не выдержал и начал уклоняться. В конце концов закрутилась веселая карусель. Костюмы каганских разведчиков, как бы обрызганные разливами цвета хаки всевозможных оттенков, слились в размытый силуэт, с трудом различимый на фоне выгоревшего холма с проплешинами белесого ковыля. Если бы не тучи пыли и не сверкание «Утренней росы», то заметить «сражение» было бы очень трудно. Непревзойденными мастерами маскировки были каганы...

Когда друзья разлетелись в разные стороны, оба тяжело дышали, но лица обоих светились удовлетворением. Взрослые мужчины смотрели друг на друга и еле сдерживались от чисто ребяческого кривляния: «Как я тебя!», «А как я тебя?!». Они, оказывается, соскучились по битвам. Стоило начаться потешной драке, как обоих охватил азарт. Рус опомнился

первым. Достал из-под куртки амулет на длинной бронзовой цепочке, снял его через голову и бросил Андрею.

– Капни на него своей кровью. – Друг удивленно поднял брови. – Не думай ни о чем! Проколи палец и приложи к кристаллу! Быстрее! – Андрей машинально выполнил этот странный приказ. – Надевай его на шею. А теперь держись!

В руках Руса сверкнули «близнецы», и снова возник вихрь из смешавшихся тел. Вскоре к необычно тихим, без звона стали о сталь звукам схватки присоединились завывания Духов, а мечи замелькали цветами самых разных стихий. Если бы можно было снять этот «бой» скоростной съемкой, а потом прокрутить запись в обычном режиме, то зритель заметил бы, что один участник действия, открыв рот и опустив длинный узкий прямой меч, стоял практически неподвижно, а второй, скалясь, как волк, насккивал и кружил вокруг первого, молотя парными мечами, казалось, со всех сторон одновременно и ни разу не смог коснуться тела неподвижного противника.

«Близнецы» исчезли, и Рус, страшно усталый и жутко довольный, лег на иссохшую траву...

Объясниться пасынок Френома изволил только после того, как они с Андреем распили фляжку настоящего виноградного вина – изделие нынешних жителей Кальвариона, а не «фруктовое пойло», произведение прошлых хозяев города. Андрей как истинный мсихитинец великолепный каганский напиток не жаловал. Вино Текущий вытащил из своего «кармана» и поспешил угостить друга. Иначе бы Рус достал каганское «пойло», которое носил с собой, называя его «Росой золотого цветка» или просто «кисленьким».

– Понимаешь, Андрюша, ведь «отражатель» вообще-то тоже не должен был работать.

– То есть? – удивился мастер Текущий.

Кстати, неофициальный мастер. Потому что работу на ранг не сдавал, не экзаменовался и подтверждение из ордена соответственно не получал. Это надо было ехать в Альдинополь, где он до сих пор официально числился учеником-экстерном, и подписывать контракт. Конечно, его бы легко квалифицировали в «отпускные» маги, у Текущих с этим особых проблем не наблюдалось, но... мало ли. Да и четверть от заработка надо было потом отчислять всю оставшуюся жизнь. Но не в этом дело, Андрей не жадничал, просто... сам не понимал почему. Наверное, заразился от Пиренгула здоровой паранойей. Все-таки житель загадочного Кальвариона, муж Верховной жрицы Эледриаса, а ехать надо чуть ли не в пасть врагам. Ордены, как бы Рус ни утверждал обратное, сильно зависели от царской власти. Да и сама орденская верхушка была жутко любопытной и – зачем скрывать? – жадной. Наконец, Андрею было элементарно некогда.

– Все дело в Воле богов. В моем случае, в Воле богини Геи. Я же – Хранящий. – Рус замолчал, будто разъяснил все.

– Это я давно знал, Чик, не томи! – Андрей сгорал от любопытства, и эта издевательская затяжка со стороны друга его раздражала.

– Да не специально я! Пытаюсь подобрать слова... В общем, на «отражатель» Гея как бы закрыла глаза. То есть позволила моей Воле реализоваться, согласилась с новой структурой, согласовала со своей Волей. Наши наставники правы – вся магия в нашем мире исходит из Воли богов. Наука существует и развивается, – Рус произнес это без обычной своей скрытой издевки по поводу геянской магической мысли и ее методов – абсолютно отличных от строгих выверенных логичных земных изысканий, – но не зря за тысячи лет существования маги не смогли создать ничего подобного нашей «универсальной защите», а они были умными мужами...

Андрей вслушивался в каждый звук, в каждый вздох Руса, боясь пропустить что-то невероятно важное, ломающее все устои. Сжав зубы, терпел, глотал многочисленные уточняющие вопросы, которые буквально рвались из его глотки. Он давно ждал от друга –

пасынка могучего бога, в чем он нисколько не сомневался, – новых и очень надеялся, что жутко тайных сведений об основах мироздания. Андрей, конечно, привык к скрытности Руса и ничего у него не выпытывал, не считая частых шутивых намеков на «божественность»; на них он серьезных ответов и не ждал. По-дружески, даже скорее по-детски, восторгался его невероятными возможностями и... всегда лелеял надежду. Однажды, когда Гелиния находилась под властью демонской сущности, друг сгоряча рассказал такие сведения о богах и их взаимоотношениях с людьми, что Андрей отказывался верить и только через силу заставил себя не сомневаться в словах Чика. Но очень скоро успешное посвящение Грации и появление нового бога – Эледриаса смело остатки недоверия. Сейчас, похоже, приоткроется еще одна толика большой загадки, имя которой – Рус.

– Боги отмечают отдельных людей, делают их склонными к своей Силе. А потому не хотят, чтобы другие люди могли препятствовать их возможностям, как бы обесценивая божественный дар. Предвижу твое возражение: «А как же Знаки? А в последнее время «отражатель»? Ну, с последним чуть позже, а о Знаках скажу так. Ты же сам говорил о равновесии между государством и орденами. Неужели ты думаешь, что эта ситуация могла сложиться вопреки желанию высших сил? Страны – это вроде как обычные люди, ордены – склонные к Силе. Богам важна каждая душа, они не хотят излишнего усиления одних или других... Плодитесь, так сказать, и размножайтесь... мы любим, – это слово Рус произнес с изрядной долей сарказма, – всех человеков, и чем вас больше, тем больше... любим. Хм, где-то так. Душу с уникальной Волей они обожают, она их усиливает и бодрит, если так можно говорить о сущности абсолютно непостижимой, с точки зрения человека... Вот Знаки и призваны защитить от излишнего смертоубийства, с одной стороны, и сделать магов более короткоживущими, с другой... Хэх, как я выкрутился! У склонных к Силе мало детей. Да и семьи они создают редко, а богам это невыгодно...

– Ну и не посылали бы эту склонность! – не выдержал Андрей, – Из твоих слов выходит, что богам все равно, какой человек: маг или нет, – души любого уходят в их чертоги и все – равноценные! И вообще, мне не нравится быть кроликом! Только размножаться и подыхать... в жаровне.

– Не горячись. О чертогах ты и без меня знаешь, там – блаженство. А «жаровня» ждет только в том случае, если сильно уж нагресишь, грубо нарушишь «заветы», «законы», «послания» и прочее, у каждого бога свой список. Тогда Тартар забирает душу, как бы подбирает выброшенную, поэтому его и называют «падальщиком»... Сейчас не об этом речь, мы отвлеклись. Это же всем известные истины. Кхм. – Рус прочистил горло, а заодно, насколько смог, собрал разрозненные мысли. Преподавание – не его конек. Он бы не стал читать эту лекцию, если бы не пообещал Андрею разъяснить принцип действия «универсальной защиты». Для этого приходилось затрагивать основы теологии и высказывать свою точку зрения, которая совсем не факт, что самая правильная.

– Не могут боги не посылать «склонность»? Во-первых, это сильно укрепляет веру в их существование, в их могущество. А вера, это я тебе уже не раз говорил, очень много значит. Без нее они попросту не могут надолго удержаться в мире... – Андрей недоверчиво покачал головой. – Ну, и не буду переубеждать. Если пример Грации тебя не убедил, то...

– Это частный случай! Ты сам тогда утверждал, что Эледриас должен был вот-вот родиться! Он бы и без нее явился на готовую Силу, которая только и ждала, когда ее кто-нибудь обуздает... Ты же за себя опасался! Тебя отчим к ней подталкивал, а ты упирался!.. Я, когда Сила пятна обрела бога, даже пожалел, что это не ты... Да понятно, что это был бы уже не мой друг Чик, но как-то... по-детски, наверное, приятно было бы... А ты молодец, Чик! Выбрал земную любовь, против божественного могущества! Как у поэтов! Как в поэме у...

– Стой, Андрей, не заносись! А то у меня настрой уйдет, и я вообще ничего тебе не расскажу! Умерь свой актерский порыв... – «Актер» мгновенно потерял творческий запал и снова превратился в слух. – А во-вторых, друг мой Текущий, некоторые личности изначально имеют сильную Волю и сами притягивают к себе Силу. Например, как я. Потому и Френом меня усыновил, но это к делу не относится... Да подожди ты! – Андрей снова не удержался, рвался перебить. Это в библиотеке или на экспериментах он был очень собранным, а в обществе своего необычного друга с трудом держал себя в руках. Его так и подмывало возразить или уточнить что-нибудь. – К этому делу, к амулету... на чем я... Ах да! – Рус начал уставать. Такую речь, по большому счету философскую, он еще не говорил. Длинные лекции наставникам нового этрусского ордена Призывающих – совсем другое дело. Там он рассуждал о личном опыте «дружбы» с Духами, о структурах, и совершенно не касался глубин мироустройства. Слова лились сами собой, он почти и не думал. Теперь же мысли, вместо того чтобы прочно сидеть на своих местах, расшатывались и падали, норовили запутаться или потеряться совсем.

– Устал я, Андрей, но постараюсь закончить, только ты меня не перебивай! Так вот, боги вынуждены тем людям, которые «притягивают» Силу, дарить свою благосклонность. Тут уже кто первым успел – тому и посвящение. Ко мне Гея первой поспела. Кстати, у меня есть «астральный колодец» с Силой Гидроса, но он для меня бесполезен. Пробовал – Сила не слушается. У-у, дарки! Как-то скомканно получается... ну да ладно... Если первый «отражатель», разрушающий только структуры, то есть произведения магов, Гея приняла, то со вторым вышла заноза. Да, там еще, помнишь, в самом первом амулете было такое, что Сила как бы совсем отсекалась? Вроде бы это явное нарушение ее Воли – лишение мага склонности к Силе, но это не так. Сама «склонность» оставалась, а значит, «благоволение» бога не отнималось. Во втором же случае мы замахнулись на защиту от обычного железа. Казалось бы, что в этом могло не устраивать богов? Я сам поразился, это же так нелогично!.. Только, Андрей, у них своя логика. Дело в том, что мы посмели сами распорядиться судьбой «их» душ. С таким амулетом убить человека будет крайне затруднительно. Клио плетет себе нить судьбы, узелки вяжет, скрещивает одну с другой, знает, где какая нить оборвется, и вдруг на тебе – стрела не доходит до цели. Со структурами еще можно смириться – магов мало... едва ли пара на сотню. Этрусков не беру, у них, пожалуй, каждый пятый-шестой... Дарки, надо будет уточнить... опять отвлекся, но ты, Андрей, потерпи. Дай попить, в горле пересохло.

Испив полфляги холодной воды, которая охладила, смягчила глотку и придала новых сил, Рус продолжил, а Андрей терпеливо молчал. Только мелкие суетные движения да возбужденный взор выдавали нешуточное волнение.

– А с другой стороны, амулет может сделать магов более уязвимыми. Воин, если подберется вплотную, вполне способен продавить его защиту и просто зарезать, как безответного борка. Это тебе не якобы лишение склонности к Силе, это отнятие самого «благоволения» бога! Ну, дурость же, согласишься! А боги меж тем видят опасность «универсальной защиты» именно в этом. По крайней мере, я пришел к такому выводу. А на самом деле их понять невозможно, как, впрочем, и они нас до конца не разумеют... но это я опять отвлекся. Не хотели они создания такого амулета – это факт, и хватит рассуждать о причинах.

Рус выдохся и решил сократить дальнейшее просвещение друга. Но быстро остановиться не смог, наболело:

– Короче, когда я очень-очень внимательно рассмотрел всю структуру, то увидел в ней маленькое бледное Слово. Более того, я разобрал, что оно означает. А означало оно то, что я и хотел создать. Добавил в нее Волю, притянул Силу и все. Структура заработала. Молчи! Дай закончить, потом объясню, что значит Слово. С амулетом сложнее. Такая Воля, как у меня, – явление редкое. – Рус умолчал, что она вовсе уникальна. – Это вообще странное

понятие. Маги используют ее как определение «силы духа», как меру способности управлять Божественной Силой. И все вроде бы знают, что это такое, но никто не может описать в точности. Это и решимость, готовность пойти на все ради исполнения желания, страсти, и, наоборот, преодоление страсти. Это и способность переступать через собственную лень; ежедневно, каждый статер, каждое мгновение, и возможность терпеть боль, напрягаться во имя некой цели, и вера в эту цель и стремление достичь ее с приложением усилий, не жалея себя... много можно добавлять, до бесконечности... для меня главное – убежденность и вера. Тогда остальное приложится... Дарки, снова не то! Еще короче: каждый человек расплюсывает свою Волю на множество целей. Единственное место, где она сохраняет целостность, – кровь, в каждой капле которой есть частичка души. В крови ей, понимаешь, некуда метаться... – Рус горько усмехнулся, невольно вспомнив себя, обвязанного лианами, и кровь, которая стекала по икрам, щекотала, теплая, почти горячая – его кровь, родная, уносящая с собой его жизнь...

– Я чуть-чуть подправил структуру в амулете... только не спрашивай, как мне это удалось! Сделал в ней мини-алтарь. И все. Воля любого человека наполняет Слово – «универсальная защита» активируется. Да, амулет всегда будет активным, но мы специально заикливали структуру, чтобы он не терял Силу, помнишь? – Андрей, огуленный массой навалившихся на него сведений, действительно ломающих внутренние устои, вяло кивнул. – И да, они будут индивидуальными и «перевязать» их будет невозможно, – закончил Рус скороговоркой.

– Теперь, Андрей, я окончательно сдох. Никаких вопросов! – С этими словами он выпил «кисленького», достал из «кармана» мягкую теплую непромокаемую подстилку-накидку и устроился спать, свернувшись калачиком. Давно стояла темная пасмурная ночь. Друзья и не заметили, когда она успела накрыть их безлунным беззвездным небом.

Если Рус уснул, едва коснувшись одеяла, то Андрей ворочался до рассвета. Все в нем смешалось. Он пытался разобраться в словах Руса, но они никак не хотели складываться в законченную цепочку, словно не хватало какого-то важного звена. Он уяснил то, что боги – это не какие-то, как преподавали орденские наставники, «непознаваемые сущности, дарящие Силу своим избранным, иногда сходящие на землю в образе людей, а чаще являющиеся во снах»; и не всезнающие добрые могучие маги, какими представлялись в детстве, – они многогранные, как Рус, который многому научился у отца. Его родитель Френом стер ему память, назвав лишь своим пасынком. И Рус впитал в себя все человеческое, возможно, от матери, и, по сути, стал полноценным человеком. Но в то же время не забыл своих, несомненно, божественных, способностей. Одно только странное «Слово» чего стоит. Нигде и никогда Андрей не слышал и не читал о таком понятии. И еще ему было крайне лестно осознавать, что каждый человек, в том числе и он сам, – чуточку бог. На его груди висел личный алтарь, и он недавно пожертвовал себя себе. Его кровь сломала Волю богов, и это наполняло душу гордостью. Но одновременно где-то под ложечкой трепетал страх: «Да кто я такой?! А если боги решат отомстить?» – но Андрей ничуть не жалел о своем поступке и ни в коем случае не обвинял Руса в обмане. Даже если бы он заранее рассказал о мини-алтаре, Андрей бы не поколебался – в этом он был абсолютно уверен.

И вообще, с Чиком – не пропадешь! Пометавшись из крайности в крайность, жизнерадостная натура Андрея в конце концов победила. Текущий закрыл глаза в момент, когда полнеба запылало размазанным высокой пылью багрянцем. Наступил рассвет.

Андрею удалось поспать всего полчетверти. Разбудил его веселый голос Руса:

– Вставай, лежебока! Солнышко уже высоко, петухи орать устали... Воду давай!

Друзья помылись «структурной» водой, которую Текущий лил прямо из ладоней. За статер ее существования вполне можно успеть сполоснуться. Позавтракали и принялись готовить второй амулет, теперь уже на основе Силы Гидроса. «Перевод» этой структуры

Андрей давно выполнил и сейчас занимался добавлением к ней мини-алтаря. Потом предстояла долгая обработка опущенной в эликсир заготовки потоком Силы, быстрое встраивание структуры и закрепление артефакта при помощи Знаков, нарисованных стикером.

– Слушай, Чик, а нам не захотят отомстить? А то я, представляешь, за ночь ни разу не помолился. Боюсь обращаться к Великому, – сказал вроде шуткой, но...

– Нет. – Рус ответил очень серьезно. – Что сделано, то сделано. Слово сказано. Если оно и замечено, то это такая малость... Нет, не переживай. Ха! Да Величайшая и забыла о своем решении... – А сам впервые задумался: «Черт, а кто ее знает? Ты прости, Величайшая! Нужны нам эти амулеты, вот нутром чую... а мы их сильно распространять не будем, обещаю. В общем, прости, Величайшая. Ты же знаешь, что я тебя люблю...»

Помолился хоть и полушутливо, но достаточно искренне. На том и успокоился.

– Ну и хвала Великому! Только я все же думаю, что не надо их особо распространять. Ты как считаешь, Чик?

– Полностью с тобой согласен! И... о лекции моей тоже не рассказывай. Хорошо?

– Не с варваром говоришь! – гордо ответил «артист». Закончил серьезней: – Никому! Могу поклясться...

– Не надо! – пресек его Рус. – Хватит вмешивать богов. И вот еще что: про алтарь в амулете – даже не упоминать! Новый способ привязки – и все.

Как ни жалко было друзьям, первый образец работающей «защиты» решили уничтожить. Воин-маг Текущий, пользующийся активным артефактом на силе Земли, – редкость. Возникнут вопросы. Как маг собирается обновлять в нем Силу? Звать Хранящего? Ах, изделие уникальное?! А что в нем особенного? Такое внимание было ни к чему. К тому же ни Рус, ни Андрей и сами не ведали, насколько его хватит. Исходя из опыта использования «отражателей», приходилось признавать: схватка в лагере коалиционной армии истощила амулеты практически полностью. Если бы не вовремя возникшие големы, то диверсанты понесли бы серьезные потери. Так что Рус, горько вздохнув, подкинув на ладони изумруд размером с ноготь (бронзовую оправу с цепочкой он предварительно снял), бросил камень в карман куртки и попросил Духа слияния с ветром разрушить структуру в амулете.

Он уже и забыл о той просьбе, когда во вторую вечернюю четверть в его голове, завывая свистящими тонами, проревел голос Воздушного Духа:

«Спасибо, Большой Друг, за бесценный опыт...»

«Какой?» – растерялся Рус.

«Я смог развеять Слово... – Через некоторое время, видимо, подумав, решил уточнить: – Две утренние, все дневные и первую вечернюю четверти я рушил структуру в амулете. Хорошо, что Слово было наполнено не твоей Волей, а то бы не смог... для нас, Духов, борьба с Божественными Словами – интересная задача...»

«Пожалуйста... – рассеянно ответил Рус, но все же поблагодарить не забыл: – Спасибо за работу, друг!» – А слова Духа заставили задуматься...

За этот день друзья успели сделать два новых амулета на основе Сил Гидроса и Геи. «Привязали», испытали и, удовлетворенные, легли спать.

– Дарки! – вдруг воскликнул Андрей. – Мы же планировали сегодня одну скважину запустить!

– Ничего, – зевая, отмахнулся Рус, – завтра две сделаем... Надоела мне эта глупая Пиренгулова затея. Если что, из Кальвариона всех местных прокормим...

– Не скажи, – не согласился Текущий. – Вода – это жизнь!

Рус не ответил. Он уже спал.

Андрей еще поворочался и в сердцах прошептал:

– У-у-у, каменюка божественная! У меня бы сын родился, я бы каждую ночь домой ночевать ходил, а он!.. И не бросишь его, барана упертого... Грация! У подруги вертишься,

от ребеночка не отходишь, а сама когда созреешь? Дарково твое служение... Прости, Справедливый!

Глава 3

Три года назад, впервые придя в Кальварион, Пиренгул поразился всеобщей расхлябанности и откровенному разгильдяйству. Богатый город, в котором было все нужное для жизни, в котором блага были доступны всем, – расслаблял. Он буквально ублаживал своим величавым спокойствием, каменной надежностью и яркой иллюзией полной безопасности. Лишь высокие черные башни причудливых, невероятно чуждых даже каганскому городу форм внушали трепет. На них попросту старались не смотреть. Только наиболее любознательные и жадные маги пытались в них проникнуть. Остальной же народ, пять сотен тирских воинов, довольствовались домами – цилиндрическими, разноуровневыми каменными строениями, среди которых невозможно было найти двух полностью идентичных. Хвала богам, защитные узоры, которые охраняли каждое здание, находились в неактивном состоянии, и маги довольно легко их ломали. Однако полная безмятежность творения древних каганов оказалась обманчивой. На пятерых погибших бедолаг, вляпавшихся в сторожевые ловушки, люди, охваченные азартом разграбления, не обратили внимания. Разве только стали немного осторожней. А вот навешанный «старым каганским проклятием» заговор Джабула, двоюродного брата Пиренгула, воина-мага Пылающего, наместника княжны – номинальной владельницы всей долины, – потряс крошечное население большого города, но... отборные тирские воины настолько привыкли к безделью и безмятежности, настолько развратились удобствами и доступным богатством, что не пожелали менять мирную жизнь на тяготы строгой армейской службы. Охрана города и двух застав, Восточной и Западной, на входах в обширную долину продолжала вестись из рук вон плохо.

Пиренгул сразу взялся за наведение порядка. Первым делом построил всех воинов, отчитал их, как сопливых мальчишек, показал, что будет с теми, кто и дальше станет нарушать дисциплину, и тиренцы присмирели и бросились чистить давно заброшенные щиты и латы. Дело в том, что наказание показалось им ужасней смерти: Отиг, магистр Хранящий, пришедший вместе с князем, создавал под особо провинившимися командирами, специально выбирая среди них магов, «зыбучую яму», и те проваливались. Причем было не важно, успевали они закрыться защитой или нет. Пока их отправили недалеко, за стены города, так сказать «для примера», однако Отиг вполне мог «выкинуть» и за пределы пятна, вернуть в Тир, о чем недвусмысленно предупредил Пиренгул. Ничего хуже этого воины не могли себе представить. Кальварион воспринимался ими, неприветливыми кочевниками, счастливыми долинами предков, где они поселились при жизни...

Дисциплина наладилась. Вскоре Отиг, при помощи еще одного мага-Хранящего и Андрея, построил храм «новорожденного» бога Эледриаса, недавно ставшего безраздельным «хозяином» всех пятен – осколков мира каганов и альганов, пять сотен лет назад появившихся на Гее. В этом храме новоиспеченная Верховная жрица Грация венчала на княжение Гелинию. Теперь та стала полноправной княгиней всей долины и города Кальвариона. Конечно, она слушала отца и принимала советы мужа, но распоряжаться стала сама. А число ее подданных резко возросло: бывшие рабы из Тира, Эндогории, а бывало и заморских стран, ведомые волей Эледриаса – Защитника и Освободителя, охраняемые некогда злобными тварями пятна, шли в долину Кальвариона, как представлялось Гелинии, нескончаемым потоком. Поток, разумеется, в конце концов иссяк, и население непризнанного княжества стабилизировалось в количестве примерно трехсот тысяч человек, из которых бывших невольников оказалось... «всего-то» тысяч восемьдесят. В Тире рабов изначально было немного, а эндогорцы быстро освоили тактику уничтожения собственных беглецов на границе пятна, когда они еще не попадали под защиту Эледриаса. Остальными жителями Кальвариона стали тиренцы, сорвавшиеся со скудеющих пастбищ, из городков, поселений и даже

из столицы, Эолгула, которые быстро вспомнили кочевое прошлое и ушли к новой жизни. Мамлюк, средний сын Пиренгула, не смог удержать степные роды, двинувшиеся вслед за первым организованным караваном. А потом, буквально на следующий год после «большого исхода», на Тир опустилась засуха. Тогда побежали остальные.

Неорганизованных, без должной охраны, их часто грабили эндогорцы, месхитинцы, галатинцы, а то и вовсе разноплеменный сброд, хлынувший в пятно в надежде разбогатеть. Впрочем, убивали немногих – только тех, кто защищался. Сдавшихся в плен оставляли. Остальных же, в большинстве своем женщин и детей, под ругань и гиканье, под сальные шуточки – отпускали. И брели те пешком, голодные и холодные, ориентируясь на обманчиво близкие горы, на широкую плоскую, как будто ровно срезанную шутником-цирюльником далеко не самую высокую вершину, всегда бесснежную Красную гору. Красная – потому что в ясную безлунную ночь над ней можно было разглядеть слабое, но невероятно красивое алое зарево – отблеск светящихся крыш большого города. Поначалу грабители пробовали оставлять «разумную добычу» себе, но быстро отказались от этой практики. На любую форму рабства пятно отвечало. Ночью в укрепленные лагеря врываются твари и вырезали всех, кто пытался сохранить невольников. Звери окружали людей кольцом и уводили туда, куда тиренцы и другие несчастные иных племен и народов мечтали попасть изначально – в Кальварион. Не спасало разбойников, к которым можно смело отнести и регулярные армейские части, получившие приказ: «Всеми возможными способами не допускать усиления Кальвариона», – и убийство безоружных пленников. В этом случае твари рвали виновников расправы, причем именно тех, кто принимал в ней участие. Эледриас подтверждал свое имя «Защитника и Освободителя», заслуженно неся еще и титул – Справедливый.

Когда Рус узнал о подобных случаях, то горестно покачал головой, сомневаясь: «Надолго ли? Когда все уgomонится, в пятнах потечет обычная жизнь, и не станет он вмешиваться так прямо, не по-божески это... да и люди, что бы они ни говорили, не любят высшего вмешательства в их жизнь. Свобода воли, чтоб ее... Лоос на этом погорела, а остальные боги помудрее будут». При воспоминании о паучихе в сердце что-то кольнуло. Он не обратил на это внимания. И зачем ругнулся на «свободу воли» – тоже не понял. Впрочем, и не особо задумался. Не любил Рус без особой причины заниматься самоанализом.

Гелиния, не без участия Пиренгула и Руса, решила, что бесплатная еда, драгоценности, одежда, которые находили почти в каждом каганском здании, – непозволительная роскошь, плодящая бездельников. Отиг привел в город своих помощников Рустама и Портурия – отпускных мастеров из его орденой школы, и они, с помощью ученика Хранящего Леона, еще одного подмастерья Хранящего и шести магов-Пронзающих, отыскавших среди немногочисленных склонных к Силе, состоящих на службе у Пиренгула, за месяц построили стену длиной более двух миль и высотой восемь локтей, отгородившую участок Кальвариона, в котором устроили всевозможные склады. Княгиня объявила все каганское продовольствие, оружие, амулеты, украшения, одежду и ткани – собственностью казны, которая будет храниться в качестве неприкосновенного запаса, но милостиво разрешила «доесть» те продукты, которые нашлись уже во вскрытых домах и которые она оставила хозяевам. А под это понятие попадали только семейные тиренцы из числа первых пяти сотен воинов, заброшенных сюда по приказу Пиренгула с целью разведки. Остальное обнаруженные поселенцами продовольствие и прочие ценности повелела сдать на склады. Нарушителей ждала высылка в Тир, причем всем семейством.

Разгорелись нешуточные волнения, которые были подавлены пятью сотнями этрусков, ставшими неофициальной гвардией княгини. Хвала богам, обошлось без смертоубийства: бунтовщикам хватило избияния и вида десятка воинов из «первого пула», которых вместе с семьями отправили в Эолгул. Большую роль в наведении порядка сыграла Верховная

жрица Эледриаса со своими жрецами. Они разили «словом божьим» – из «Сакральных Списков», а не Словом – божественным желанием. Народ уговорили, и он затих.

Количество посвященных новому богу росло как на дрожжах. Конечно, в основном за счет бывших рабов. Но и некоторые тиренцы, из числа тех, кто сохранял веру в Духов Предков, под впечатлением «чудес» Кальвариона, спешили посвятиться могучему богу, без чьего участия, по их наивным размышлениям, невозможно было построить такую «огромную красотищу».

Вслед за «кнутом» Гелиния не преминула использовать «пряник»:

– После предательства Джабула я думала, что все мои подданные извлекут урок из его жадности. Этого не произошло. Я скорблю об этом. Скорблю о раненых в этом бунте, скорблю об изгнанных – тридцати пяти тиренцах, женах и детях, пострадавших из-за своих неразумных мужей... Мой славный народ, не раз доказывающий свою доблесть и верность перед лицом многих захватчиков, в этот раз сдался на милость врагу коварному – лени, безделью и незаслуженному богатству. Мне стыдно, что я могу доверять только чужеземцам-этрускам. Им золото не застилает взор... а вам, мои подданные? – Толпа, собравшаяся перед дворцом, молчала. Не только опытный Пиренгул, прятаясь за занавеской балкона, не только чуткий Рус, стоявший рядом с ним, но и молодая княгиня, сурово облокотившаяся на перила и склонившаяся над безмолвным народом, уловила в тишине стыд, раскаяние и... обожание ее, правительницы. – Но я прощаю вас, мой любимый народ! Объявляю, что отныне во все открытые дома, кроме тех, что уже заняты честными семьями, не запятнавшими себя в волнениях, можно заселяться! – Гелиния решительно вскинула руку, и начавшийся было нарастать гул прекратился. – Это жилье будет временным и придется потесниться, пожить нескольким семьям вместе. Холостым, вдовым, бывшим рабам, рабыням следует заселяться по несколько человек в один дом. Распределением жилья займется моя канцелярия, обращайтесь... Но это еще не все! Мой запрет на вскрытие зданий продлится! Склонные к Силе, вы помните это? Изгнания продолжатся, если хоть кто-нибудь... – От ее грозного взора мага-Хранящего (пусть и не мастера – ученицы) некоторые окаменели... не натурально, конечно. – В дальнейшем новые дома можно будет купить... Успокойтесь! Малоимущим казна будет их жаловать безвозмездно, но только за особые заслуги. Всему. Свое. Время! – сказала, как припечатала. – Тиренцы! Многие из вас пришли сюда, снявшись с кочевий. И что я вижу? За воротами города стоят брошенные кибитки, бродят бесхозные борки, разбежались овцы, козы, свиньи. Это дело? Берите пример с некоторых воинов, пришедших сюда на полгода раньше вас. Они вспомнили заветы предков: отловили диких борков, местных овцебыков – когда познакомитесь с этими животными, узнаете, какие они замечательные, – сделали загоны и занялись привычным для всех кочевников делом. А вы? Не стыдно? – Гелиния добавила в голос столько проникновения, что многим действительно стало стыдно. Рус удивленно поднял бровь: не ожидал от своей благоверной такого искусства. Да и столько властности увидеть не ожидал и рад этому не был. – Займитесь! Старейшины, вожди – уповаю на вас! Долина обширна, трава сочна. А вы, славные тиренцы и гордые освобожденные – сыны иных народов, те, кто занимался земледелием, вам, думаете, дела не найдется? Найдется! Но обо всем этом – в моей канцелярии. Старшин жду там. Купцов тоже. А сейчас, мой народ, расходитесь. Сразу за воротами города этруски уже разбивают шатры. Шатров много, всем хватит. Помогите им – жить вам пока придется там, несколько ночей. Чтобы мои чиновники во всем разобрались... а я их подгоню. У меня не забалуешь! – закончила вроде бы со смехом и в отношении своего секретариата, но все поняли, кого княгиня имела в виду...

«Волк не родит ягненка», – убедились тиренцы. Дочь оказалась достойной отца.

Еще целый год Рус, Отиг, Андрей, Леон, Рустам, Портурий и еще десяток доверенных магов обходили дом за домом. Их сопровождали Грация, трое жрецов и несколько склон-

ных к Силе Эледриаса, которых Рус учил творить новые, разрушать и восстанавливать старые каганские узоры. Такое «обучение на ходу» было в целом ущербным, но кое в чем эффективным. По крайней мере, «открывать» и «закрывать» каганские жилища, при этом активируя защиту, великовозрастные школяры научились быстро. Вскоре маги разделились на двенадцать групп и только поэтому смогли управиться всего за год. А надо было забирать из домов все ценное, главным образом амулеты, драгоценности и продовольствие, отправляя его «ямами», «омутами», «жерлами» (структура «жерло вулкана» – проход через расщелиние мрака в исполнении Пылающих), «зеркалами» (то же самое у Пронзающих), «окно бури» (Ревущие), «упругие лепестки» (Сила Эледриаса) на склады за «стену зависти (плача, горести и так далее)» – как обзывали внутреннее ограждение, построенное Отигом². А Рус, научив «чужих» магов новой Звездной тропе, и не думал показывать им, как надо снимать координаты, – на всякий случай, во избежание соблазна своровать. Убедившись в умении склонных к Силе Эледриаса справляться с защитой домов (амулеты «универсальных ключей» решили не рассекречивать), ушел из этой команды и занялся своими делами. Вскоре за ним последовали Отиг и Андрей. Один Леон не смог придумать для себя причину отлучиться от этого скучного занятия и вынужден был заниматься им до конца, до последнего дома.

Разумеется, народ поначалу кормили. Причем не только быстро приевшейся каганской едой на одноразовых деревянных тарелках, которые в домах втягивались в столы, а на улице, в том числе и в загородной степи, растворялись в земле, становясь удобрением. К общему столу иногда подавали любимые всеми тиренцами мясные блюда. Нечасто – потому что борков и другой мясной живности на всех пока не хватало. Но поголовье росло.

Позже на центральной, самой широкой городской улице возник импровизированный рынок, длина которого постепенно растянулась на три-четыре стадия. Размеры проезжей части позволяли повозкам свободно миновать толпящихся покупателей и торговцев-лоточников, а основные лавки частично слезли с каменной кладки, тыльной стороной расположившись на траве. Купцам, хвала богам, хватило ума ставить палатки на одной стороне главной городской магистрали, дабы не мешать передвижению не только своих грузов, но и различных городских и княжеских служб. Лишь поэтому власти закрыли глаза на вопиющий эстетический диссонанс: на плавных поворотах чистой желтой полосы, окаймленной сочно-зеленым газоном, нагло вытянулась пестрая змея, смердящая чуждыми истинно каганскому Кальвариону запахами, и лениво, как бы нехотя извивалась, надменно следуя за изгибом дороги. А еще она кричала. Какофония звуков, типичных для любого геянского базара, здесь воспринималась особо остро, буквально резала слух, словно жители соседних домов разом обрели музыкальные таланты. Они робко попытались пожаловаться Гелинии, но не нашли у нее поддержки:

– Вы что, уважаемые, не понимаете? Это – торговля, это последний штрих, который делает нас полноценным государством. В другие страны по разным причинам наши товары еще мало расходятся. Закрывайте окна, господа! А проехать без шума можно по соседним улицам, их хватает. – На том аудиенция и закончилась.

Торговали на рынке всем. Начиная от тирских приправ, мяса, хлеба, одежды, пошитой из каганских тканей, и заканчивая нелегальными амулетами и несданными в казну драгоценностями. И на это власти не обращали внимания. Пока. Деньги ходили общегеянские, отлитые в самых разных странах ойкумены. Свои монеты Кальварион и тем более Альвадис выпускать не решались. Тоже пока.

² «Стенажадности (или зависти)» – названия неофициальные, просторечные, потому изменчивые. Некоторые называли – «стена плача», «горя» и так далее. В бумагах она носила имя «Стена, окружающая основные казенные склады» – понятное дело, так ее никто не называл.

Отигу с помощниками потребовалось три месяца, чтобы пробить тоннель, который соединил две долины: Кальварион и Альвадис. Длина прохода составила всего два стадия, и было просто удивительно, почему его не сделали каганы. Если по причине безопасности, то это не выдерживает критики, потому что горы вокруг «Белой долины» были даже выше и еще неприступней, чем вокруг «Каменной чаши». Скорей всего, им было достаточно перевала, так как по большому счету «чистого каганита» всегда добывалось мало. Собственно, из-за этого он и был таким дорогим, не считая, конечно, его незаменимости в современной алхимии. Но вот руды, белой, как и сам металл, необходимо было перерыть сотни и тысячи талантов, обработать, выделить, накопить – это огромный труд. И шахты к руде вели глубокие, хвала богам, уже открытые. И, снова хвала им же, сопутствующими породами оказались золотые, серебряные, медные, оловянные и железные жилы. Нужны были только люди, специалисты и налаженный сбыт.

Мастерские, по-кагански причудливые, сохранились в прекрасном состоянии, и Рус в них легко разобрался. Объяснил Отигу, который и стал ими заведовать. Занятие для магистра Хранящего интереснейшее, и оно окупало несоответствующее денежное содержание. Хитрый Пиренгул виновато разводил руками, а Отиг делал вид, что верит в «крайне затруднительное положение казны». Но для своих мастеров, Рустама и Портурия, вытребовал то содержание, которое полагалось отпускным магам их ранга, «согласно договора между орденами и государствами». Князь «с горечью» согласился.

В Альвадисе, долине немногим меньшей «Каменной чаши», тоже хватало пастбищ. Теперь в ней стояло много шатров и шло строительство каменных зданий – столицы Пиренгулова княжества.

Под конец третьего года активного освоения обеих долин князю удалось «перетянуть» под свою присягу не более ста тысяч народу, в основном упертых кочевников из числа сарматов. Большую роль в этом сыграла не только их преданность лично Пиренгулу, но и неприятие жестких действий его дочери, о которых князь с Гелинией договорились специально, в том числе и ради заселения долины Альвадиса. Но пастухи и скот – одно дело, а мастеров, как склонных к Силе, так и обычных, катастрофически не хватало. Для бывшие рабов-строителей, для свободных каменщиков очередь на получение дома в Кальварионе будто специально застыла (во что очень не хотелось верить). А с другой стороны, князь обещал приличный заработок в Альвадисе, поэтому работающий народ скрепя сердце перешел в новую долину. Люди вкалывали, старались, но их было слишком мало. Пиренгул, пометавшись между необходимостью приглашения сторонних мастеров из просвещенных земель и своей извечной паранойей, принял решение – разослать призывы. Конечно, обязательно придут шпионы, поймут, какое невероятное богатство здесь лежит, государи навалятся с новой силой, но... надеялся, что отобьется, как это уже однажды случилось, два года назад.

Утренний туман плавно поднимался. Нижняя граница его была словно специально подрезана идеально четкой горизонтальной линией, верх же клубился, вытягивая призрачные руки к легким белым пушистым облакам. Скоро они сольются и уйдут в немыслимую высь, не оставят и памяти о себе в чистом лазурном небе. Намечался ясный теплый денек.

Четвертной³ одного из постов Западной заставы очнулся только тогда, когда на расстоянии полета стрелы увидел ровный ряд больших пехотных щитов, открытых пока еще на уровне груди. Туман словно не хотел раньше времени показывать лица воинов, несомненно, полных суровости. Будто жалел юного невыспавшегося караульного, давал ему время проснуться окончательно. Он и проснулся. И завопил:

³ Четвертной – часовой.

– Тревога!!! На нас напали!!! – от волнения забыв нужные команды. И сразу получил подзатыльник.

– Чего орешь?! – зло одернул его до этого сладко спавший пожилой опытный напарник, а сам красным, шальным ото сна глазом уже вглядывался в бойницу. Молодой, открыв рот, возмущенно вскочил, одной рукой показывая в сторону дороги, другой разминая себе затылок. Говорить, зная характер дядьки Динигула, опасался.

Их пост был второстепенным, нижним, расположенным над самими воротами в центре перекрытия над массивными каменными створками. Выдвинутая вперед, словно выросшая из монолитной стены крытая башенка позволяла вести обстрел как вдаль, так и вниз и в стороны. Основное наблюдение велось с высоких боковых башен, контролирующих гораздо большую территорию. Их пока закрывал туман, казалось, и не думавший подниматься дальше.

Динигул крикнул и, шурша колючей соломенной подстилкой (чтобы только сидели, не спали!), нехотя повернулся на бок. Достал рог, обдул его, набрал в грудь побольше воздуха и протрубил: «Тревога! К оружию!» Через десять ударов сердца продублировал сигнал. Потом, и не думая вставать, повернул голову к молодому:

– Ну, вот, сынок, будет тебе сегодня первая потеха, – сказал необычным для него ласковым тоном. – Эндогорцы... вроде. Мы их всегда под зад пинали и в этот раз не подкачаем...

– Но их там... тысячи!

– У страха глаза велики, – усмехнулся дядька, успокаивая напарника. – Нас меньше, но тем больше слава. Ты, главное, не горячись и башкой не верти... и сядь. Сядь на всякий случай, нечего богов и Предков дразнить... а лучше приляг пока. Команда тебя сама найдет.

Гарнизон, сотня воинов при трех шаманах и единственном маге-Пылающем, забежал. Немного бестолково, но споро. Заняли штатные места.

Командир, сотник Эрдоган, поднялся туда, откуда прозвучала тревога, в надвратную башенку. Убедился, что сигнал не ложный, ругнул туман, который, испугавшись грозного тиренца, отличившегося в Великом походе, быстро пополз ввысь, открывая все новые и новые ряды неприятеля.

– М-да... – глубокомысленно заключил он. – Красиво стоят! Ваша задача, – обратился к сидящим (сам посадил подчиненных – нечего стоять на виду у противника) караульным, принявшим самый бравый вид, – подавать сигналы при попытке скрытного перемещения и не давать приближаться к воротам. Стрелами бить метко, горшки использовать в крайнем случае – они наперечет. Задача ясна?

Пожилый хмуро кивнул, а молодой отчаянно воскликнул:

– Но наше место в десятке Карбана! – В его глазах легко читалась досада: мол, как тут себя проявишь? – Наше место на левом фланге стены!

– Декаду будешь казармы чистить, сопляк! Десять плетей на конюшне!!! – И Эрдоган чуть ли не кубарем скатился по крутой каменной лестнице, по высоким, не под человеческий рост, ступеням. Разъярил его не только и не столько самый молодой воин, Кучук, а сам факт внезапного появления большого войска.

«Судя по фаланге – более двух тысяч... нет, дальние ряды могли пустыми щитами заставить, хитрецы, но меня не проведешь! Однако тысяча – точно. Где разведка?! Они там спят, что ли, на дальних дозорах?! А если бы они ночью... а почему они ночью не полезли? Выстроились, как на смотре... какая наглость!.. А Знаки горят, даже я вижу». – С этими мыслями он бежал в штаб, где забыл недавно выданный амулет «эфирного разговора». Снял перед сном – черный камень размером с рукоять сабли мешал спать.

Начиналась первая утренняя четверть.

Командир, кивнув магу, спокойно пившему утренний чай из расписной керамической пиалы, и не обратив внимания на недавно прикомандированных шаманов, влетел в спальню,

схватил амулет и вышел обратно, в помещение штаба, где на столе лежала тщательно расправленная схема его заставы и стояло пять дымящихся пиал. Только сейчас Эрдоган заметил, что не хватает одного шамана, имя которого не вспомнил. И, понятное дело, десятников – они проверяют своих, и если сей момент не начнется штурм (не допустите, Предки!), то скоро явятся.

– Сколько у них склонных к Силе? – нервно спросил Эрдоган, поднося к губам амулет.

Спросил, ни к кому конкретно не обращаясь: спокойствие этих людей его раздражало. Он был лихим рубакой, хорошим тактиком кавалерийской лавы, но здесь, на охране важнейшего объекта – одного из двух проходов в Кальварион, – терялся. Своим появлением в долине Эрдоган был обязан лично Пиренгулу, который отправил его, своего верного человека, родственника, в числе первых пяти сотен. Отправил «зыбучей ямой» в незнакомый город, который оказался таким чудесным, таким спокойным... Полтора года тихой мирной жизни расхолодит кого угодно. Хвала Предкам, последние полгода регулярно устраивались учения, а то бы... Теперь все воины и сотник в том числе хотя бы одеты были подобающе: панцири, поножи, наручи, сапоги, шлемы с бармицей. Маг-подмастерье и шаманы – не исключение.

– Сейчас вернется уважаемый Элькун и скажет, – спокойно ответил маг – тиренец средних лет. Почему за прожитые годы рангом не вышел, и для него самого оставалось загадкой. Не растягивались каналы, и все тут! – Я тебе чай велел принести. Присядь, Эрдоган, попей. – Они знали друг друга лет десять, еще с сарматской столицы, куда их обоих пригласил лично Пиренгул.

Сотник раздраженно бросил амулет, повисший на бронзовой цепочке на уровне солнечного сплетения. Тут же пожалел о своей невоздержанности. Командир он или горох козий?! Сел как можно спокойнее и даже успел глотнуть чаю, как вбежал молодой шаман. Не переведя дух, обратился к сотнику:

– Я заметил пять десятков склонных к Силе, господин сотник! Какие именно – разобрать не удалось, они подозрительно суеются, перемещаются. Держатся в середине фаланги, а людей я насчитал тысячи полторы. Лагерь не видел. Наверное, за поворотом. Начальник разведки наблюдает, людей своих поджидает. Говорит, скоро доложит точнее...

– Дарки! – Эрдоган не выдержал, хлопнул по столу и вскочил. – Он первый должен был докладывать! Еще ночью, на подходе! Такое войско проспять!!! Что я князю скажу?!

– Эрдоган, друг, – проникновенно произнес маг, – я тебя прекрасно понимаю, но послушай меня. – Сотник, тяжело дыша, уставился на старого товарища. В его глазах продолжала плескаться ярость, причем теперь и на самого себя, снова показавшего другим свою слабость. – Ты беспокоишься о воинах, о просчетах разведки – это понятно. Ты им отец и мать, как это и положено настоящему командиру... – Слушая эту речь, Эрдоган успокаивался. Сейчас уже по-настоящему. Голова начинала соображать. Старый друг знал, как надо утихомирить излишне горячего и, если честно, не очень умного товарища. – Доложи князю все как есть. А за заставу не переживай, она и сотню магистров выдержит. Работа древних каганов! – Последнее маг выдал с нескрываемым восторгом.

– Но почему они ночью не атаковали? – Этот вопрос командир задал задумчиво-рассудительным тоном, тем не менее плохо скрывающим глубокое удивление, какое встречается у людей, застигнутых врасплох опасностью, до этого казавшейся невероятно далекой, практически эфемерной.

– Наверное, потому, что на все войско им не хватило эликсира «ночного зрения», – серьезно ответил Пылающий.

– Или потому, что они опасались, что у нас этого эликсира навалом, а мы эти места и свою заставу знаем лучше их, – подал голос старший шаман, Оролгул. – Хотят с утра внимательно все осмотреть и, боюсь, приготовили нам какую-нибудь гадость. Может, командир,

пойдем на стены? Оттуда и доложишь Пиренгулу. – Не дожидаясь ответа, поднялся и направился к выходу. За ним молча последовали другие шаманы.

– Нет, ты видел! А, Тейзар? – возмутился Эрдоган, даже не попытавшись остановить «командировочных».

– Все нормально, друг. – Пылающий спешно сжал сотнику запястье, в очередной раз успокаивая. – И он, в сущности, прав. Засиделись мы в штабе... – Маг вдруг почувствовал мощное колебание Силы Пирения и потянул командира за собой. – Нас атакуют! На стену!

С высоты пятидесяти локтей люди внизу выглядели беззащитно-маленькими. Так и хотелось наступить на них сапогом и давить, давить, как глинозов. Сотник с магом спрятались за высоким зубцом. Справа от них находился десяток Джафара, слева – Карбана. Хвала Предкам, за командиром увязался вестовой, а то бы он совсем потерял управление вверенными ему войсками.

– Бегом ко всем десятникам и передай им приказ: при подходе неприятеля на прицельную дальность стрелять без команды! – Отдав это, в целом ненужное, распоряжение, Эрдоган наконец-то активировал амулет связи.

Мощнейшие структуры разных Сил били в одно, как думали атакующие, слабое место – в каменные створки больших врат. Две плиты размерами десять на двадцать локтей каждая, смыкались так плотно, что между ними невозможно было вставить лезвие самого тонкого ножа. По сравнению с массивными идеально гладкими и скользкими стенами они действительно создавали впечатление «слабого звена». И несведущие в каганских узорах маги подтверждали: «Плотность рисунков везде одинаковая, что в стене, что во вратах», – и разводили руками. Однако структуры не причиняли вратам никакого вреда. Через статер обстрела маги перенесли удары на левую от них стену. Результат был таким же.

Застава перекрывала расщелину шириной в сто шагов, смыкаясь с неприступными, отвесными скалами, под которыми была пропасть. Горы стыковались со стеной посредством толстых высоких башен, которые переходили в скалы, сливаясь с ними. К вратам вела удобная мощеная дорога шириной от тридцати до сорока шагов – мост над пропастью. Боковые ограждения у него отсутствовали, причем не отрезались, а вроде как естественно становились все ниже и рыхлее, постепенно сходя на нет. Точнее, как бы скатывались в глубокий обрыв, казавшийся бездонным. Получалось, что к воротам заставы примыкал мост без перил. Штурмовать из такого положения – полное безумие. Но эндогорцев никто не считал дураками. А это были они – защитники рассмотрели штандарты с изображением белого горного орла.

Глава 4

Пиренгул слушал доклад Эрдогана. На его лицо напознала тень. Желваки гуляли по скулам, что бараны по пастбищу, в глазах разгорался огонь, идущий, казалось, из самой преисподней.

– Дарки!!! – Князь бросил амулет связи, в сердцах топнул ногой, а глаза полыхнули так, что бумаги, с которыми он только что работал, пошли пузырями. Хвала богам, каганская бумага не горела, не уступала пергаменту в прочности и не выцветала. И при этом была такой же тонкой и легкой, как земная.

Пылающий, увидев результат своего гнева и обратив внимание на то, что стоит, но не помнит, когда и как поднимался, мгновенно «потух». Вспыльчивость – изначальная черта характера князя, которая акцентировалась под влиянием соответствующей Силы.

– Эрдоган, борков выкидыш, – прошипел он напоследок, – ну почему в его смену, Могучий?! Гуран! – коротко выкрикнул князь, и секретарь вырос как из-под земли. – Ратмира ко мне. И передай, чтобы все его этрусски, кроме охраны «стены жадности» и Гелингин, быстро подготовились к походу. Всех магов сюда, шаманов... только чтобы дочь ничего не заподозрила. Пусть ждут в приемной. Всё, не мешкай. – Помощник исчез так же незаметно, как и появился. «Ему бы в Гильдию Убийц...» – привычно пошутил Пиренгул, создавая «жерло».

Князь с женой жили не в большом доме-дворце, где обитали Гелиния с мужем и который одновременно являлся государственной канцелярией княгини Кальвариона, а в относительно скромном здании по соседству.

– Отиг – нос отстриг, – четко произнес князь, выпрыгивая из алого круга.

Через расслоения Тьмы можно было попасть куда угодно, в том числе и в любой кальварионский дом. Если знать координаты, конечно. Это жутко не нравилось Пиренгулу, и он неоднократно наседавал на Руса, чтобы тот придумал блокировку, наподобие той, которая существовала в период настоящих Звездных троп. Зять горестно вздыхал и говорил, что сам этим обеспокоен и думает о том беспрестанно. Мол, как представит, что кто-то может появиться в его спальне, так вздрогнет. И «по секрету» советовал тестю не раздавать координаты кому попало – самостоятельно снимать их мало кто умеет. К такой смеси шутовства и серьезности князь никак привыкнуть не мог, и это его до сих пор нервировало. Успокаивал себя только осознанием того, что Рус все же не просто князь далекого Кушинара и муж его любимой дочери, а пасынок и побратим богов. От «побратимства», впрочем, зять всегда отнекивался.

Отиг же не стал дожидаться милости от «пасынка», а сделал у себя в доме защиту – настороженную «каменную сеть» и придумал дезактивацию, глупую детскую дразнилку, которая точно никому в голову не взбредет.

– Отиг! Срочное дело! – громко говорил Пиренгул, поднимаясь по лестнице в столовую. В это время магистр обычно завтракал.

– Эх, князь, жаль, что ты всех Текущих в Тир отправил! – посетовал Отиг, выслушав краткий рассказ о нападении. Пиренгул досадливо поморщился. Оправдываться, разумеется, не стал. – Я связался с Русом, скоро он появится здесь, – сообщил магистр, и у Пиренгула отлегло от сердца. Только его зять знает пределы прочности обеих застав. В геянских реалиях полсотни склонных к Силе могли взять практически любое укрепление, это лишь вопрос времени. Конечно, если крепость не обороняют. Но сотню Эрдогана к полноценной защите можно было отнести как раз с огромной, даже гигантской натяжкой.

Он в очередной раз поразился скорости, с которой работает секретный «звонок». И снова позавидовал всем, кому зять его «пожаловал». Сам он из гордости не просил

Руса «впускать себя в его душу» – Гелингин рассказала о «принципе связи», – но в то же время и желал и опасался подобной возможности. Душа – дело темное, и лучше держаться подальше... но интересно, дарки раздери!

После доклада Эрдогана прошел статер, и Пиренгул, в ожидании прихода Руса, стал вызывать сотника. Тот долго не отвечал. Князь уже всерьез беспокоился, как вдруг из амулета раздался громкий растерянный визгливый голос:

– Они пошли на приступ, князь!.. Дарки, откуда у них лестницы?! – На этом связь прервалась. Скорей всего, Эрдоган убрал с амулета руку. Пиренгул вскочил, готовый в очередной раз вспыхнуть, как его охладил Отиг:

– Пиренгул! – Имя прозвучало резко, громко, хлестко. Голос был усилен какой-то хитрой структурой. Дальнейшее проговорил уже без «мегафона». – Рус сказал, что взять заставу не-воз-мож-но. Я ему верю.

– Отиг – нос отстриг, – слышалось снизу. – Как приятно тебя дразнить, дарки меня раздери, учитель! – Пиренгул понял, кто подсказал Отигу формулу деактивации, и с усмешкой покосился на покрасневшего магистра, который буркнул: «Переделаю. Руки дойдут, видят боги, переделаю».

– Да продлят боги ваши годы! Уважаемый Отиг, – сказал Рус, войдя в столовую, и чинно поклонился хозяину дома. – Дражайший тесть, – перенес поклон на князя. Он был одет в свою любимую кольчугу поверх поддоспешника – куртки с косым воротом длиной по колено (вровень с кольчугой) из плотной, но тем не менее легкой каганской ткани неопределенного цвета, который сам Рус называл словом «хаки». Толстый материал имел свойство неплохо амортизировать удары. – Сразу хочу успокоить: повредить тем узорам никак не возможно! Я сам восхищен искусством древних каганов...

– У них осадные лестницы, Рус! Надо бежать туда без промедления! – перебил его Пиренгул.

– Да хоть сто лестниц! Их невозможно закрепить, они скатываются со стен, будь на них хоть тысячи самых цепких «кошек»! А пойдем мы туда непременно... Всех созвал? – Князь хмуро кивнул. – Отиг, дай что-нибудь попить, а то в Кушинаре сейчас последняя ночная четверть кончается. С постели сорвался.

Пиренгул не лез в семейную жизнь дочери, но частые ночевки зятя неведомо где ему не нравились. Гелингин, разумеется, не жаловалась. И если бы посмела, то собственноручно бы ее отшлепал – тирский семейный кодекс был строг и не терпел стороннего вмешательства. Однако переживать за любимое чадо не запрещал. Помогать, в том числе и отческим внушением, тоже.

Перед тем как покинуть отиговскую обитель, Рус, несмотря на нетерпение Пиренгула, сел на удобный каганский плетеный стул, попросил «статер спокойствия», закрыл глаза и будто «потек»: лицо расслабилось, став спокойным и умиротворенным, как у спящего ребенка; голова упала на грудь, тело, вдавившись в спинку, словно распласталось – приняло форму кресла, руки-ноги опали. Он выглядел таким беззащитным, что, наверное, и у прожженного убийцы не поднялась бы рука не то что лишить его жизни, но и потревожить щекоткой.

Оба мага могли бы поклясться, что видели нечто, отделяющееся от тела. Поваяло Силой Эледриаса, и это «нечто» – нисколько не похожее на призрак – исчезло. Пиренгул с Отигом догадались, что Рус слился с Силой и полетел к Западной заставе, и поразились тому, что он, оказывается, может из «слияния» рассмотреть не только миражи, навеваемые потоками Силы, но и реальный мир. Иначе не стоило бы выходить из физического тела. Оба не проронили ни слова, и оба не удивились тому, что Рус выбрал силу Эледриаса, а не «родную» ему, силу Геи. Скромничает этот пасынок одного бога, отшучивается от всеобщего признания за ним побратимства с другим высшим существом. Пиренгул не понимал,

зачем он так поступает. Сам князь несколько бы таких связей не стеснялся. Иногда он ловил себя на мысли, что, может, поэтому богами и был выбран не он, Пиренгул, а Рус – за безразличие к власти. И поправлял себя: за безразличие к внешним ее проявлениям, за нелюбовь к почитанию себя во власти. А управлять людьми, особенно исподволь, зять любил. Эту сторону характера опытный властитель видел, соглашался с ней и всячески поддерживал.

Колыхнулась Сила, и Рус очнулся. Тело как-то разом обрело упругую крепость, словно в мягком бесформенном тесте мгновенно возник внутренний скелет. Веки поднялись, и магам открылся задумчиво-тревожный взгляд.

– Эндогорцы – идиоты? – спросил Рус, ни к кому не обращаясь. Сам же и ответил: – Вот и я думаю, что нет. Штурмуют дуrom, пытаются лезть на стену. Если бы наши отвечали по-нормальному, то осаждающие несли бы большие потери. А наши выстроились на стене и мечут стрелы куда ни попадя... но это ерунда. Отиг, я заметил большой амулет – то ли камень, то ли дарки знают что, – но Сила Геи от него буквально слепит, если не жжет. Что это может быть?

– «Разрушитель стен», – ответил магистр, даже не задумавшись, и уточнил: – Хранящие какого ранга?

– Один магистр и пара высоких мастеров до бакалавра. Меня смущает нагромождение щитов в центре их строя. И пехота как на смотре стоит – четко меняются, пытаются строить пирамиду возле ворот. Подозреваю, что там что-то прячут, и от этого слабо веет силой Земли...

– Может, пойдем уже, Рус? – нервно поторопил обеспокоенный Пиренгул.

– Идем, – решительно ответил Рус, вскакивая рывком. – Не нравится мне все это дело... – проговорил уже перед прыжком в созданное князем «жерло», нацеленное в его кабинет, где в приемной должны были томиться три десятка магов, а во дворе стоять три сотни этрусков. Своих воинов, тиренцев, Пиренгул решил оставить в резерве – все равно всех «ямами» не перекинешь, а на единорогах до Западной заставы, как, впрочем, и до Восточной, день езды.

Общими усилиями к заставе переместили две сотни воинов и всех магов. Первыми выпрыгнули окутанные Духами склонные к Призыву этруски и заняли круговую оборону. Далее, на одном и том же месте менялись «ямы», «жерла» и «зеркала» – эти координаты, выходившие к казармам, были единственным известным подходом к бывшему Гномьему перевалу. Рус вышел вслед за Леоном, а замыкал их «яму» Отиг.

Стена великолепно изолировала звуки, поэтому шума битвы прибывшие не слышали. Некоторые, впервые посетившие это место, поразились. Все было очень лаконично: стена с лестницами, ведущими к зубцам, снизу казавшимся маленькими; каменные створки врат, по бокам от которых, прижавшись к стене, стояли небольшие цилиндры, сосредоточившие в себе управление открытием-закрытием (обычные «штурвалы» из закаменевшего черного дерева с резьбой в стиле цветочков-листочков). Неподалеку от заставы находился штаб (двухуровневый цилиндр со скошенной крышей, на которой густо росла длинная сочная трава), а рядом с ним одноэтажная казарма – длинное прямоугольное сооружение, первое встреченное людьми здание такой формы. Но больше всего поражала красивейшая цветная мозаика, раскинувшаяся по всей стене. Она изображала сцены битв каганов с многочисленными стройными рядами бородатых коротышек. Хозяева, разумеется, побеждали.

Пиренгул активно распоряжался. По паре воинов-магов, то есть всех, имеющих в его распоряжении, направил на усиление охраны системы открытия створок. Этрусков распределил полукругом от врат, магам приказал разбиться на тройки и всем категорически запретил подниматься на стену. Там уже была редкая цепь воинов, вяло постреливающих из луков. Отдав самые необходимые приказы, стал по амулету допрашивать Эрдогана, пыта-

ясь добиться четкого пересказа действий эндогорцев, при этом периодически поглядывал на сидевшего Руса, который пребывал в очередном «полете».

Рус вдруг резко вскочил и заорал:

– У них требушет был спрятан! Наподобие моего метателя. Сейчас сюда тот камень прилетит! Всем внимание! – И уже тише: – Отиг, готовься, мне показалось...

Яркая комета медленно, презрительно-валяжно поднялась из-за стены, на самом пике, на долгое мгновение застыла в одной точке, как бы оценивая обстановку, обогнула препятствие и стала плавно, набирая скорость, опускаться на тыльную сторону заставы, испуская тихий свист и увеличиваясь в размерах. Дрогнула земля. Камень расплылся лужей слепаще-желтой ртути и вдруг стремительно потек ввысь, на ходу принимая человекообразную форму. «Терминатор... – мелькнуло в голове Руса, – голем...» Каменный, но удивительно пластичный великан – не чета трем его «меньшим братьям», собранным Отигом во время битвы при Баламборе, – возвысился над пятидесятилоктевой стеной на целую голову. Глазами ему служили темные провалы на фоне сверкающего «лица» со схематичными чертами, словно небрежно набросанными ленивым скульптором. Сила, исходящая от него, слепила даже не склонных к Силе.

Пиренгул, увидев голема, наконец-то обрел уверенность. Для него все сложилась. Загадка, вызванная несуразностью нападения, мучившая его долгие статеры, разрешилась.

– Рус, Леон! Хватайте Отига и оттаскивайте его подальше! – крикнул он и выстрелил в великана «огненной бурей». Друзья схватили погруженного в транс магистра и потащили его, тяжеленного хряка, вон от заставы. Отиг наверняка собирал что-то особо зубодробительное.

В голема со всех сторон летели структуры, не причинявшие ему ни малейшего вреда. Провожая задумчивым взглядом троих Хранящих, великан, казалось, сомневался: догнать или повременить. Выбрал «повременить» и решительно развернулся. Сделал два гигантских шага, за два удара сердца очутившись у самых врат. От его топота земля дрожала так, что падали даже самые ловкие. Огромная ступня поднялась и нависла над маленькой, по сравнению с ней, левой башенкой управления вратами. Из нее в панике вылетели люди. Но надо отдать должное воинам-магам, которые не бросили оцепеневшего воина-немага, вытащили с собой и сразу стали осыпать ногу великана разнообразными структурами. Напорвшись на неприятные ощущения, голем не стал рушить круглую пристройку, а топнул рядом. Люди повалились. Тогда он перенес внимание на правое строение. Тоже занес ногу, но тамошние обитатели, наученные опытом своих товарищей, заранее покинули ненадежное убежище, и великан перенес ступню на них. Хвала богам, все успели увернуться, и каменная плоскость хлопнула по пустой земле. Голем поднял голову и, наверное, кровожадно ухмыляясь, одним пальцем, одним слитным движением провел по настенной галерее. Воины, которые хотели спрятаться, вжавшись в ростовые зубцы, поплатились за самонадеянность: палец смел всех, до кого дотянулся, а не достал он лишь до крайних флангов. Крики падения слились в один предсмертный вой, и, хвала богам, хоть кто-то выжил: мелькнули «огненная стена» и «щит Предков», стремительно летящие вниз. Затем каменный дурак решил отломать стенные зубцы, и... тут его постигла неудача. Рука проходила сквозь них, словно была призрачной. Тогда он попробовал ударить стену кулаком и получил тот же самый эффект. Наверняка скрежеща зубами (если они имелись, конечно), резко развернулся, поглядел вниз и принялся вымещать злобу на копошащихся муравьях – мерзких людишках. То ли он был слишком неуклюж, то ли людишки слишком верткие, но раздавить он успел одного-двух, пока не принял на грудь маленький, светящийся силой Земли шарик размером с голову – человеческую, не великанскую. Полыхнула яркая вспышка. Голем на несколько мгновений застыл, потрескался и развалился на множество частей, каждая из которых по мере приближения к земле превращалась в песок. Как раз этой «песочницей» и придавило большинство

людей – хвала богам, ненадолго, на четверть статера, пока останки голема полностью не вернулись в свое изначалье – в Силу. Люди, по большей части оказавшиеся магами и этрусками Призывающими, успели защититься.

Повисла тишина. Кто-то кашлял, кто-то чихал, кое-кто стонал – это не мешало сгущаться восторгу, который в конце концов выплеснулся сначала в единичном крике: «Победа!!!», а потом и во всеобъемлющем реве: «Победа!!! Победа!!! Хвала магистру Отигу!!! Слава нашему магистру!!!» В этом восхвалении принимали участие и обычно высокомерные, как несправедливо считали многие тиренцы, этруски. Огромный голем, конечно, не смог напугать бесстрашных воинов, но потрясти сумел. Этого не отнять.

Отиг лежал в откате. Рус стоял рядом с ним и, пожалуй, единственный... точнее, на пару с недоумевающим Леоном... не принимал участия в общем восторге. Его ноздри трепетали, грудь шумно дышала, пытаясь набрать больше воздуха, губы оголили белые, совсем не длинные клыки, что не делало его менее похожим на зверя. Вдруг он резко повернулся к Леону, обдав друга взором, в котором сквозило раздраженное непонимание.

– Зачем весь этот балаган? – прошипел он сквозь зубы.

– Я не понимаю тебя, Русчик, – честно признался Леон. – Эндогорцы всегда славились отвлекающими маневрами. Привлекли внимание всех защитников ровным строем, симитировали атаку, а в это время закинули голема. Да они просто на прочность проверяли! Разведка боем. Никто не знает пределов крепости местных сооружений, вот они и проверяли.

– Две тысячи воинов, пять десятков магов, среди которых целый Великий магистр. Не слишком жирно для разведки? Ты прекрасно знаешь, сколько стоит участие магистра в кампании – целое состояние!..

– Но и возможный трофей – Кальварион! – не согласился Леон. – Оно того стоит. Но сейчас эндогорский царь в затруднительном положении. А так ему и надо! Уж орден растрясет его казну...

– А Кальварион и сам не подарок, укреплен едва ли хуже этой стены – слишком дорогая разведка. Хоть убей меня, Леон, но мне вся эта якобы битва напоминает балаган. Жертв почти нет. Помнишь, как ваши големы действовали при Баламборе? Гораздо шустрее, от них было не убежать. А этот словно боялся кого-то задеть... Леон! – Лицо Руса просветлело, словно он только что познал абсолютную истину. – Эндогория – в горах?

– Разумеется!

– Так у них скалолазы имеются!.. Бегом! Я в левую вратную башню, ты в правую. Будь готов встретиться с воинами-магами. Долго объяснять, – крикнул он уже на бегу. Друг мгновенно поверил и на ходу, по примеру Русчика, «надел» шлем и материализовал в руке меч.

Рус успел в самый последний момент. Богиня удачи снова одарила его своей улыбкой. Возле штурвала он застал двоих тирских воинов, один из которых, уже надавив на неприметные камни в нарочито небрежной кладке, чем внутреннее убранство привратных минибашен резко отличалось от остальных каганских сооружений, уверенно вращал «штурвал», а второй охранял всегда открытый вход. Увернувшись от охранника, Рус бросил во второго «каменную сеть». Полыхнула защита, лже-тиренец вынужденно оторвался от работы, обернулся, и вдруг все на мгновение замерло, почувствовав, как дрогнула левая створка ворот. Взыли Русовы Духи, и все смешалось... а через три удара сердца «охранник» лежал обугленный, с наполовину отрезанной головой, а «штурвальный» висел, припильенный-придавленный к стене «каменной сетью». Его кости потрескивали, и он, кажется, не мог дышать. Рус бросился к «штурвалу» и завертел его в противоположную сторону, со страхом прислушиваясь, не дрогнет ли правая створка. Левая, которая успела выдвинуться наружу на половину своей толщины, чуть помешкав, медленно пошла назад. Если бы не великолепная зву-

коизоляция, то пасынок Френома услышал бы разочарованно-яростный рев, пронесшийся над эндогорской армией.

Стараясь не терять времени, Рус развеял структуру «сети», прикоснулся к голове человека, свалившегося буквально как мешок с костями, усыпил его Духом жизни с наказом «подлечить» и рванул к Леону. Чувство опасности за друга молчало, но Рус давно убедился, что иногда оно могло обмануть или возникнуть слишком поздно. Уже подбегая к правой «башенке», он услышал сигнал рога «Тревога! К оружию!», доносившийся непонятно откуда.

– Это я, Леон! – крикнул Рус перед входом и вбежал в помещение. Друг, тяжело дыша, сквозь прорубленную кольчугу зажимал себе глубокую рану на левой руке. У его ног лежал убитый тиренец. Точнее, типичный эндогорец с вытянутым щекастым лицом оттенком светлее, чем у тиренцев и тем более месхитинцев. В общем, худой Отиг.

– Где второй? – сразу спросил Рус, впуская в друга Духа жизни.

– Он был один, – пожал плечами Леон, коротким кивком поблагодарив Русчика за лечение.

– Ладно, больше никто не сунется.

Ближе к полудню, разыскав координаты Западной заставы, в сопровождении двух телохранителей-этрусков прибыла Гелиния, недавно выучившая структуру «зыбучей ямы». Учинила отцу настоящий разнос. Хвала богам, не при всех – хватило ума укрыться в штабе. Пиренгул оправдывался, как мальчишка (больше играя, поддерживая в дочери уверенность полновластной княгини), и сердце его пело от счастья – хорошую дочь воспитал, настоящую правительницу! Согласился отселиться из города – как только, так сразу: «Обязательно, Гелингин, что я, не понимаю? Два государя – не дело. Отиг построит тоннель, и я сразу шатер в Альвадисе поставлю. Непременно мать заберу! Ну, не сердись, доча?» Разумеется, «доча» не сердилась. К мужу из принципа не подошла и отворачивалась, когда он пытался заговорить. Рус плюнул и отстал.

Гелиния поднималась на стену, говорила через «громовую раковину» – панцирь моллюска с простенькой структурой Ревущих, – в ответ армия четко, сохраняя ровные ряды, развернулась и неспешным маршем удалилась. Никто из командиров к ней не вышел, словно она была противно жужжащей мошкой, а не княгиней. Сказать, что это обидело Гелинию, – оскорбить истину: она просто рассвирепела. Только отец смог ее уговорить, а не Рус: жена упорно «не замечала» мужа.

После отбытия Гелинии Пиренгул, очнувшийся Отиг, Леон, этрусский полковник Ратмир и Рус собрались на втором ярусе штаба. Пили вино и подводили итоги.

– Ферапонт еще ответит! – горячился подвыпивший князь. – Не выйти к Гелингин, когда она звала, – оскорбление! – Все понимали, что во втором предложении речь шла о безымянном командующем эндогорским корпусом, а не о вышеназванном царе Эндогории.

– Успокойся, государь, – миролюбиво сказал довольный Отиг. – Признают они и Кальварион и твой Альвадис. Дай время. А Гапону не поздоровилось! – Он, знающий всех магистров эндогорского ордена Хранящих, догадался, кто стоял за големом. – В Великие выбился, выскочка! Я ему специально такую структуру подобрал, чтобы по мозгам – как молотом! Сам удивляюсь, как вспомнить удалось... спасибо, Величайшая!

– А что за структура, учитель? – заинтересованно пробасил Леон.

Отиг принялся увлеченно объяснять. Рус прислушался, но был отвлечен Пиренгулом.

– Как ты смог догадаться, зять? – с хитринкой поинтересовался он, намекая на высшее вмешательство. – Или из потоков Силы рассмотрел?

– Нет. Не догадался я по горам пробежаться, – честно признался пасынок. – Хорошо эндогорцы с армией придумали – молодцы. Все внимание к ней было приковано. Но голем уж больно неуклюж: на земле людей старался не топтать, а со стены смело скинул. Эндо-

горцы же в горах живут? Значит, есть у них скалолазы, а скалы, начиная с пары стадий от стены, узорами не украшены.

– Подожди, сынок, – не согласился Пиренгул. – Какие скалолазы? Отвесная стена и пропасть с милю! А по дну еще и река бурная бежит! – Однако в ответ на ироничный взгляд Руса поправился: – Теперь-то, конечно, знаю, что есть у них такие умельцы. Хм, и не только воины-маги! Гвозди придумали, веревки. Но раньше ни я, ни даже уважаемый Отиг о них и не слышали!

– На то в армии есть секретность! – многозначительно сказал Рус, а Пиренгул нахмурился. Давно думал вызвать сюда Максада, чтобы устроить настоящую службу безопасности, откладывал, полагал, что в засыхающем Тире он пока нужнее, но сейчас решил – вызов. – Просто я знал в жизни одного скалолаза немага, который рассказывал о тех веревках. И еще говорил, что ночью и в туман – смерть. Никто в это время и не пробует ходить по скалам, даже обладая ночным зрением и хорошей цепляющей структурой. – Эти сведения Рус почерпнул из памяти воина-мага; того, который возомнил себя «штурвальным». Снял исключительно последний день, глубже не лез. Ему до сих пор становилось плохо: тысячи эльфийских разумов давали о себе знать, не желая укладываться в обычном человеческом мозгу.

– Я и забыл о том человеке, давно это было, а тут все сложилось: день, голем, Эндогория. Вот и все. А «отчим» и так называемый «побратим» мне не помогли. – И одной только этой усмешкой, с которой назвал Бога... не назвал, конечно, но всем ясно, кого он имел в виду, укрепил у Пиренгула мысль о «побратимстве». Кто еще так посмеет? – Я что еще подумал, Пиренгул, может не надо о моем участии знать широким народным массам? Этруски будут молчать, обещаю. Мне и так хватает слухов о том «побратимстве». Люди шарахаются или, наоборот, пристают – надоело.

– Правильно мыслишь, Рус! – поддержал его князь. Без божественной поддержки его победа выглядела гораздо значительней. – Эх, жаль, Эрдоган погиб, я бы ему устроил...

Дело в том, что опрос выживших воинов показал чудовищное нарушение – секретную последовательность камней для открытия врат знали половина воинов. Сотник ввел «ротацию постов», которая, по его мнению, повышала боеспособность. Разведчики наверняка поймали первого попавшегося, тот и выложил им все. Один лазутчик, благодаря Русу выжил, но пока находился в беспамятстве. Позже Отиг наберется сил и сломает ему блокировку памяти, а пока пусть поспит.

– Пришла пора, Рус, приглашать сюда Целителей и... Максада. Сколько еще эндогорских скало... лазов выжило – неизвестно. Говоришь, не можешь снять блок?

– Я не магистр, – поскромничал зять. Он узнал, что кодовая последовательность, по счастью, была известна только двоим: воину-магу, убитому Леоном, и единственному пленнику. Когда Рус прочувствовал строжайшую эндогорскую дисциплину, секретность, возведенную в абсолют, подозрительность ко всем, в том числе и к товарищам по оружию, презрение к тиренцам и грязным рабам, активно насаждаемое в армии, ему стало жаль этих умелых воинов. Не повезло им с царем, от него шли эти неоднозначные нововведения – воин-маг Текущий по имени Ниротон постоянно рассуждал об этом. Весь выживший состав тирской сотни посадили под арест – к ним не подобраться, так что с ними и с остальными семьей диверсантами, среди которых остался только один склонный к Силе, вовремя отставший от напарника, пусть разбирается Максад. Давно ему сюда пора.

В городе объявили праздник – первый в истории человеческого Кальвариона. Гелиния расщедрилась и выставила народу каганского вина, фруктов, сладостей и тирские мясные закуски, ради которых повелела забить чуть ли не половину казенных борков и овцебыков. Грация на Фонтанной площади устроила торжественную службу при стечении едва ли не всего, тогда еще невеликого населения княжества. Тиренцы, бывшие рабы (в основном эндогорцы) и даже суровые этруски устроили множество импровизированных концертов

с использованием каганских инструментов: разновеликих труб и струнных, напоминающих Русу земные гитары и скрипки с великолепным звучанием. Танцы, веселье длились всю ночь, и главными героями были этруски, Отиг и Пиренгул. По договоренности с князем роль Руса с Леоном скромно умалчивалась.

В Кальварионе Рус погостил у Леона, куда не забыл позвать «великого борца за процветание Тира» Андрея. Другам пришлось защищаться от его кулаков, и хитрый Текущий выбил-таки у Руса обещание помочь ему с тем самым «процветанием», то есть ходить по тирским степям и добывать воду. «А то вы тут с эндогорцами развлекаетесь, а я там один скучаю!» – таков был его неоспоримый довод.

Вечером все вместе погуляли на празднике. Первым домой заторопился Андрей: «Сто лет жену не видел! Я, между прочим, чуть ли не до отката каждый день работаю, Силы на возврат домой не остается! Каналы гудят, что пчелы на пасеке!» Оправдался перед товарищами и был таков. «Старый» Леон тоже ушел бы, но не хотел бросать Русчика. А тот от души веселился, подпевал музыкантам, много пил и старался оставаться неузнанным. Ночью, в мерцающем пламени факелов, в мягком свете из окон домов, в цветном отблеске крыш это было нетрудно. Лишь под утро друзья расстались. Каждый пошел к себе. Рус направился не в Кушинар, а во дворец. Соскучился по жене.

Гелиния проснулась сразу, едва муж переступил порог спальни. Сладко потянулась, зевая, и, открыв глаза только наполовину, не желая полностью выходить в мир яви, медленно проговорила:

– Русчик... наконец-то... я столько тебя ждала... видишь, уснула... иди ко мне... – В ее голосе смешалось все. Своенравие и покорность, нетерпение и смирение, любовь и каприз. Словно не было сегодня размолвки, словно не кипела она от негодования буквально полдня назад...

Рус мгновенно заставил себя протрезветь. Ночная туника скрутилась самым немыслимым образом, легкое покрывало сбилось в несколько куч, одна из которых попала между ног, оголив женское упругое бедро. Гелиния лежала на боку, подложив под щеку обе ладони, отчего ее и так скуластое лицо с одной стороны припухло, что добавило ей умильную детскость. Налитые губки улыбались и шевелились, будто она причмокивала во сне. Глаза так и не хотели распахиваться полностью. Они смотрели из-под век с поволокой и манили: «Ну иди же, я устала ждать...» – и больше никаких мыслей не выражали.

Рус по пути домой готовился к неприятным разборкам, а тут... молча разделся и залез под теплое, нагретое Гелинией, пропитанное ее волнующим жаром одеяло; обнял откликнувшуюся на его прикосновения жену и забыл обо всем. Помнил только, что стал чуточку зверем.

Они проснулись одновременно, в конце последней утренней четверти. Гелиния вскочила первая. Быстро забежала в купель, через пару статеров вылетела из нее, лоснясь от чистоты. Нервно, путано покопалась в шкафу, бросила на кровать длинное платье голубого цвета, обмоталась свежей нижней туникой, на мгновение застыла, словно о чем-то лихорадочно соображая, схватила костяной гребень и в следующий момент, очутившись возле зеркала, принялась расчесываться. Русу вдруг пришло в голову, что ей чего-то не хватает...

– Да кликни ты служанку, Гель. – Он с интересом смотрел на неуклюжие метания голой жены, из всей одежды на которой поначалу был только «отражатель». – Не стесняйся.

– Я самостоятельная женщина, Рус, – ответила Гелиния. Это утверждение было отголоском их давней полемики. Потому и не звала служанку, хотела доспорить без свидетелей. И не решалась начать первой.

Князь Кушинара не желал портить себе прекрасный утренний настрой, поэтому не сязвил. Продолжил наблюдение, не поднимаясь с постели.

– Да не мечись ты так, смотреть смешно. Я – тоже князь, и меня тоже сейчас ждут. Важные люди, между прочим, богатые влиятельные торговцы...

– А меня мои подданные ждут! – Княгиня на мгновение замерла и резко развернулась к мужу, оставив в густых черных волосах белый гребень. – Простые люди, не купцы! Они очередь в канцелярию с ночи занимают, как я могу от них отвернуться? Я люблю свой народ, и я в ответе за него перед Справедливым! А за себя перед Величайшей. В отличие от тебя: ты ни перед кем не отчитывался и не собираешься. – С этими словами презрительно отвернулась и продолжила нелегкое дело приведения себя в порядок. Теперь она торопилась демонстративно.

– У-у-у, сколько пафоса! – «Обидные» слова Рус снова пропустил мимо ушей. – Чуть что – сразу богов впутываешь. А тебя отец не учил пользоваться услугами чиновников? Они для того и служат. Зачем ты все на себя тянешь?

– Знаешь, что, дорогой мой муж, я не могу все сбросить на Эрлана, – говорила она вроде как безразлично, не отвлекаясь от зеркала. – У меня нет такого достойного кандидата. А если бы и был, то...

– Ни за что и ни-ког-да. – Муж продолжил за нее. – Понятно. Ответственность перед народом, Предками и все такое... Я пошел в купель.

Когда он вышел оттуда, Гелиния была уже полностью одета и причесана; из украшений – пара колец и относительно простенькие бусы. В ожидании мужа стояла, расположившись в дверях, тем самым показывая, что «задержалась только на пару важных слов, а на самом деле очень торопится». Гордо вскинула голову, скрестила на груди руки и старалась придать взору полную независимость.

– Да, ответственность! – заговорила она сразу, как только Рус выглянул из купели. – Я – верная дочь своего народа, а не пасынок без роду и племени! Ты даже от родных этрусков отмахнулся, прикрылся Эрланом. В случае чего виноват будет он, а не ты, а ведь вся власть у тебя! Ты как будто подглядываешь исподтишка, раздаешь команды и снова прячешься. Как это удобно! Как это... подло!

Во время этой речи голый Рус осторожно, плавно приближался к жене, как охотник к жертве; согласно кивал, дабы не спугнуть добычу.

Подобраться удалось вплотную. Пару стуков сердца супруги смотрели друг другу в глаза, словно играя в гляделки. Потом Гелиния тихо произнесла: «Прическа, бергат, острожней... меня ждут...» – это были последние ее слова на ближайшее время. Тщательно наводимая красота полетела к Тартару.

Через четверть Гелиния была уже одна, поэтому, не стесняясь, позвонила в колокольчик. Вошла тиренка среднего возраста, за ней более молодая. Коротко поклонились и приступили к своим обязанностям: приведению княгини в порядок. Обычно болтливые, сейчас они молчали, и Гелинии казалось, что укоризненно. Она испытывала жуткое неудобство из-за того, что опоздала, что люди ждут ее не дождутся. Стыдила себя «за слабость», обещала «больше никогда!» и возмущалась: «И он еще смеет мне указывать! Сам всегда в делах, в княжеских, между прочим, заботах, а меня каким-то властолюбием укоряет! Ну и что, что я – женщина?!» – накачивала себя, подгоняла, стремясь быстрее избавиться от безмятежной расслабленности, вызванной недавней близостью. Постепенно становилась активно-деятельной, как обычно.

«Ревнует он меня, надо же! – рассуждала, спускаясь в канцелярию. – А я как должна воспринимать его отлучки?! Ладно, отец, но Русчик почему не сказал о нападении? Эти его слова: «Ты – женщина, стала бы под ногами болтаться», – не принимаю! Я – княгиня! И пусть ревнует! Перетерплю, народ – дороже...»

С этими гордыми мыслями она вошла в кабинет. Начиналась нудная, скучная и ответственная работа – управление государством, которая тем не менее приносила удовлетворение и даже наслаждение. Имя которому – власть.

Не зря Рус ревновал жену к княжению. Не ожидал он, что она так серьезно его воспримет. Думал, что назначит визиря и займется более интересным: например, углубится в изучение магии, местных артефактов или географии. Или чем-нибудь сугубо женским: допустим, рожать бросится – чем черт не шутит. Но предательство наместника Джабула смешало все Русовы надежды. Гелиния, выступая перед народом, готовым буквально есть с ее рук, поймала «звездную болезнь». Рус проходил через это. Единственное лечение от нее – публичное презрение той же самой публики, ранее боготворившей тебя. Княгине такой путь был явно противопоказан. Так что пришлось мужу терпеть и ждать, когда женушка изволит наиграться. Увещевания, ругань, логические выкладки – не помогали. Тесть в этом деле был не помощник, а наоборот – он всецело поддерживал дочкины политические амбиции, ловко ими манипулируя, и молодая княгиня все сильнее и глубже погружалась в пучину каждодневных забот своего новорожденного, неустроенного княжества.

Рус в конце концов махнул рукой и стал просто-напросто реже появляться дома. Пусть, мол, Гелиния побесится. Может, поймет. Судя по сегодняшнему утру – не поняла, но... кое-какой прогресс, кажется, появился.

«А ведь меня еще стесняется, зайчиха. Оправдаться хочет и уколоть побольнее. Работать с ней и работать...» – рассуждал Рус в спальне своего Кушинарского дворца, тщательно обвязываясь серым кушаком из великолепнейшей каганской ткани. Кушинги оценили ее по достоинству.

На слова, что он якобы безответственный и любит действовать исподтишка, пасынок Френома не обратил внимания. Попытка скинуть с себя решение чужих судеб не удалась, хотя попытка была – он честно признавался в этом. Теперь груз управления государством приходилось тащить.

Купцы кушинарские – не тиренцы неимущие, они не станут целые сутки проводить в приемной. Рус готов был поспорить на все что угодно, но был уверен, что сейчас в приемной находятся одни лишь слуги-посыльные с очень убедительными историями, объясняющими, почему сам хозяин не мог дождаться.

«Что ж, пора выходить. Засиделся я в спальне». – С этими мыслями Рус распахнул левую часть двустворной арочной двери.

Вечно занятые торговцы возвращения князя, разумеется, не дождались. В приемной секретариата томились их порученцы.

Глава 5

Идея создания полноценной банковской системы висела в воздухе. Во-первых, в обмен на наличные деньги многие Торговые Дома давно имели привычку выписывать векселя. Они были особо популярны при перевозе крупных сумм, а кроме того, их зачастую принимали к оплате не только в заранее оговоренных местах, но и во многих иных Домах, в некоторых независимых лавках, включая многочисленных частных менял, работа которых заключалась в основном в конвертации валют. Это, кстати, можно назвать «во-вторых»: спекуляция, основанная на дефиците тех или иных монет была распространена повсеместно. Меняли, разумеется, за мзду, доходившую до пятой части от суммы. Все ворчали, возмущались, ругались, но как-то вяло, привычно, по-семейному, в сущности, заранее смиряясь с большими потерями при обналичке или конвертации. Осознавать-то, конечно, осознавали теоретическую равноценность векселей и монет, однако... Рус честно пытался понять причины этого явления, поразительно схожего с российскими реалиями начала девятых, но так до конца и не разобрался. Зато убедился в технической возможности создания нескольких связанных между собой отделений. Это, наряду с распространенным явлением давать деньги в рост, было «в-третьих». То есть полноценная банковская система вот-вот должна была родиться.

Как бы там ни было, но пока о земной концепции «банка» в ойкумене не ведали: сбережение денежных средств, независимая охрана, выдача кредитов, перевод платежей и... чем еще занимаются банки, Рус в точности не помнил, но совершенно новое понятие в местные финансы внести все же решился, а именно – прием вкладов на депозит. Причем не с оплатой охраны оно, как предлагали некоторые Торговые Дома, а, наоборот, с выплатой клиенту ежегодной доли от вклада, то есть с зачислением на его счет дополнительной суммы. Как раз эту, на его взгляд, простую мысль он и пытался донести до кушинарских воротил монетного бизнеса – небольших Торговых (монетных) Домов, специализирующихся на векселях и меняльных пунктах, составляющих ядро, как он предполагал, будущей финансовой империи под его скромным, ненавязчивым, незаметным руководством. Пока будущие императоры упорно отказывались расставаться со своими кровными, мозолистыми руками (видимо, писчие перья натирали) заработанными деньгами.

Главой самого известного кушинарского монетного Дома – большой меняльной и кредитной конторы, имеющей филиалы в пяти центральных странах, – являлся средний зять бывшего Председателя Торговой гильдии Гранка. Возможно, еще и по этой причине он принимал на меч любое предложение, исходившее лично от Руса, который держал его тестя за самое ценное у купца место – за кошелек.

– Это немыслимо, князь! – в который раз возразил он. – Золото будет лежать в моем доме, под моей охраной. Тот вкладчик будет только рад оплатить сохранность своих денег! С какой это стати я буду платить за него? Охрана, князь, это очень затратное занятие. Во-первых... – И принялся в очередной раз перечислять все расходы, которые несет его Торговый Дом.

Рус терпеливо слушал, потягивал неплохое фракийское вино и обводил взглядом остальных «гостей», которых в зале приемов собралось кроме Гранкова зятя еще пятеро.

В этот раз пришлось ждать самому князю Великому Кушинура. Солидные купцы тем самым вежливо намекнули на несостоявшуюся вчера встречу, куда они явились вовремя. Мол, *так* с ними поступать не надо, *это* – проявление неуважения к ним со стороны великого князя. Рус, в свою очередь, стерпел щелчок по носу и даже вроде как *попросил прощения*: в зал приемов велел внести круглый стол и устроить настоящий ужин, потому как главы Торговых Домов изволили явиться ближе к вечеру, задержавшись, разумеется, по обстоя-

тельствам непреодолимейшей силы, причем у каждого из «великолепной шестерки» причина нашлась своя, оригинальная. Князь сделал вид, что поверил, некоторым – искренне посочувствовал и пригласил дорогих гостей за стол, за которым снова заговорил о своей очень рискованной затее – о банке. О вчерашнем дне, само собой, даже не вспомнил.

Купцы оценили своеобразное извинение – накрытый стол, а также отметили его повседневность, даже нарочитую скромность, как бы говорящую «знайте свое место».

Они знали. Не так давно, в ответ на неудачное покушение, новый властитель очень ловко поменял руководство Гильдией. Не потопил город в крови, а воспользовался моментом, поступив как самый настоящий кушинарский купец: упрочил свою казну. И власть укрепил, и налоги платить заставил почти в полном объеме. Так что уважаемые торговцы, присутствующие на ужине, кроважидным солдафоном или якобы божественным своего государя не считали. Однако справедливо опасались его непредсказуемости, чреватой неизвестно чем. Пока князь сулит много прибыли, но как оно повернется – боги ведают. Богатство – дело деликатное, капризное: и риска не любит, и богине Удачи вынуждает молиться.

Рус выслушивал гостей молча. Причем всем показалось – благосклонно. Под конец уважаемые торговцы были уверены, что князь пусть и не одобрил, но внял их объяснениям.

– Что ж... – со вздохом произнес Рус, подытоживая сегодняшний вечер. – Боги с вами, господа, я так и думал. Однако! У меня есть казна, и лежит она, как всем вам известно, в подвале этого дома. Так вот, уважаемые купцы, я объявляю ее банком. Точнее, казенное золото послужит залогом. Принимаю вклады, господа! Не только ваши, но и любого желающего. Проц... долю... подумаю еще, не решил, какую предложить. Все будет зависеть от возврата займов, которые я намерен выдавать из тех вкладов. Разумеется, в рост под... впрочем, все это я вам объяснял и сожалею, что остался не понят... – И поднялся, всем своим видом выражая горькое разочарование.

Не замедлили встать и уважаемые кушинги. Выражение лица государя несколько их не смутило. Они и сами отплатили ему минами сочувственного сожаления.

Купцы уяснили, что один из основных принципов заведения со странным названием «банк» – добровольность. А в княжескую казну, как бы она ни называлась, добровольно деньги никто не понесет. Торговые Дома с ума еще не посходили, а мелкие купцы, ремесленники и прочий люд просто не поймут, зачем нужно отдавать свое золото кому-то еще, если оно и дома лежит вполне надежно. Ограбления в Кушинаре и раньше случались редко, а сейчас, после завоевания этого небольшого приморского княжества, кушинги и вовсе забыли о таком явлении. Кстати, за уличное спокойствие портового города люди благодарили лично князя с его этрусками: прогнившее начальство городской стражи отправили «куда-то за море», наиболее наглых служивых чином поменьше уволили; стали поощрять позорное доноительство, и в результате кровавая преступность практически сошла на нет. Зато таможенные сборы приходится платить почти в полном объеме. Последнее честным купцам было, мягко говоря, непривычно.

И еще они знали, что со словами «...не решил пока, сколько предложить... подумаю еще...» в коммерции делать нечего. Но они промолчали: у князя имелись другие таланты, которые будущие глобалисты непременно хотели заполучить: Звездная тропа и координаты.

– Да благословят боги твое начинание, великий князь! – открыто польстил Лилит, старший из присутствующих купцов, владелец крупного меняльного дома, больше всех пострадавший от пропажи Звездных троп. – Но помнишь ли ты свое обещание помочь нам с новой Звездной тропой? И в твоём деле – в банке, и в наших денежных вопросах она не помешает.

– Уважаемый Лилит, – горячо отозвался Рус, – как я мог о таком забыть?! Помогу, без сомнения! Только... – вроде как обо что-то споткнулся, – мы говорили о создании совместного банка. На пробу, не крупного... – А сам мысленно поблагодарил богиню Удачи

за то, что она не позволила ему ранее, когда он не помышлял о создании банков, показать кушинарским магам структуру «ямы».

Конечно, некоторые Торговые Дома наверняка обзавелись склонными к Силе служащими, знающими подобную структуру, – в последнее время она не являлась таким уж сакральным секретом. Только купцы имели свои резоны не открываться коллегам. С умением снимать координаты дело обстояло несколько сложнее, но тоже не на уровне божественного откровения.

– У меня было десять филиалов, – быстро заговорил Лилит, этот седой пухленький активный старик с обманчиво-девичьими ямочками на румяных щечках. В цепком взоре его выцветших глаз проглядывала совсем не девичья жесткость. – Координаты сохранились. Они же не поменялись? – Рус согласно кивнул. Лилит смело прищурился, наклонил голову к правому плечу и обозначил улыбку. – Я настолько восхищаюсь твоим великим умом, князь, что осмелился не поверить в серьезность твоего предложения по этому... как его... банку! – И вдруг тихо спросил: – Сколько, князь? Мы все понимаем, что тебе, нашему государю, обязанному заботиться о прибылях своих подданных, и о себе забывать ни к чему...

Рус еле-еле подавил в себе разочарование. Не доросли местные до идеи добровольного изъятия средств у населения, при котором оно будет выглядеть совсем не грабежом, а наоборот, благом. Снова навалились воспоминания о вилле Апила, о практически бесполезных «сокровищах Али-Бабы».

«И так по всей ойкумене! Ну что за дикие нравы? Ладно, не мытьем, так катаньем. Рабы повсюду стали свободными, им надо платить. С другой стороны, они станут покупать. Нужны банки, нужны... очень скоро понадобятся, сами увидят». Досада сменилась надеждой, и кушинарский князь, тяжело вздохнув, будто только что был разгадан его хитрейший заговор, приступил к торговле:

– Я буду упрямыться, уважаемый Лилит! Лично мне деньги не нужны, но! Ваши вклады в мой банк – а я не шутил – очень даже пригодятся. Я не оговорился! Именно вклады с возможностью забрать свои средства. Не завтра, конечно, а через некоторое время и, надеюсь, с хорошей прибылью. Доверенных магов все подготовили? Запомните, блокировка от моей «зыбучей ямы» еще не придумана...

Следующую декаду Рус занимался с четырьмя магами-Водниками и таким же количеством Воздушников. Секрет снятия координат и создания «пространственных карманов» сохранил. Но не отметить того, что расслоения со свойствами межзвездной Тьмы открываются магами все легче и легче, будто мир сам приспособливается к склонным к Силе, к людям, отмеченным Богами, – не мог. И не знал, как к этому отнестись. Поразмышлял недолго и по привычке плюнул.

Управление собственным банком, который назвал «Три толстяка», Рус разместил не в своем Кушинарском дворце, а в обычном двухэтажном доме неподалеку, который даже не купил, а арендовал на имя купца Бехруза. Он с женой Эльвирией и ловким помощником Адыгеем прибыл в Кушинар еще два месяца назад. Тирский купец мечтал о Кальварии, но суровая действительность, в лице могущественного Пиренгулова зятя, закинула его в «богами забытое холодное место». Так он думал вначале. За месяц плавания на забитом товаром корабле кушинарского купца и после заселения в городе, пропитанном своеобразным духом прирожденных торговцев, его взгляды переменились кардинально.

Теперь он большую часть времени проводил в солидных тавернах, попивая местный сидр и привозные вина, пробуя жгучую этрусскую огневичку и общаясь со степенными, обходительными, очень уважаемыми людьми – богатейшими торговцами. Не замечал, как спивался, не видел за собой ненавязчивой охраны и считал заботы о нем со стороны предупредительного молодого человека, своего помощника по имени Адыгей, само собой

разумеющимися. Он чуть ли не молился на так удачно подвернувшегося ему молодого купца, приближенного к самому князю Великого Кушинара, который к тому же спас Бехруза от смерти.

В Эолгуле было дело, и не любил купец вспоминать о том неприятном событии, когда чувствовал холод стали на собственной шее, когда просил прощения у Предков, готовясь к встрече с ними, и просил защиты. Предки прислали ему Адыгея. После того случая и запил старый тирский купец. Какими делами занимается его помощник, что означает странное слово «банк», из-за которого он и был отправлен сюда Русом, он даже не интересовался.

«Зять Пиренгула, князь Кушинара, пасынок Френома, которого чтят этруски, любимец Великих шаманов... кто он там еще?! Предки, это один и тот же человек?!» – бывало, всплывала у него эта паническая мысль, и тогда коренной тиренец спешил выпить.

Как принято у большинства рогатых мужей, Бехруз не замечал взглядов, которыми обменивались его благоверная и молодой помощник. А если бы и заметил, то наверняка закрыл бы глаза. Староват он стал для супружеского долга, а здесь же, хвала Предкам, появилась возможность завести себе отдельную спальню. Не ревнив был Бехруз, женившийся в свое время исключительно из-за приданого, и достаточно мудр, чтобы не искать ссоры с приближенным самого Руса Четвертого. Может, из-за того старый купец и губил себя вином, ища забвения.

После успешного лечения в госпитале ордена Исцеляющих, не взявших с пациента ни лепты, Адыгей стал преданным Русу сильнее единорога, воспитанного с жеребьячьего возраста. Вопрос, был ли Каган «ночным князем» на самом деле, ранее казавшийся самым важным, вдруг превратился в незначительный факт. Теперь он просто не видел разницы в прошлом своего... здесь он затруднялся с определением, но смел надеяться, что сам Рус считает бывшего «степного волка» другом.

Выйдя из больницы, Адыгей удостоился свидания со страшно занятым Русом и с удивлением узнал, что купец Бехруз с женой уже в Эолгуле.

– Ты сними в той же таверне комнату, я разгребусь с делами и займусь тобой. Помнишь, я тебе биржу... ну, когда корабли можно целиком продавать, не видя их, помнишь, обещал тебя туда пристроить?

– На память не жаловался... – только и успел пробормотать ошарашенный Адыгей, пребывавший в самых смешанных чувствах.

– Вот и отлично! Обязательно тебя найду, как только освобожусь! – пообещал Рус и скрылся. Только пыль от его скакуна долго не оседала.

«Воронок», – в голове «волка» почему-то всплыло имя Русова единорога. Наверное, потому, что почувствовал нечто, отдаленно напоминающее расставание преданного рогатого коня с хозяином.

В связи с массовым исходом тирского народа в пятно, создание биржи Рус вынужденно перенес в Кушинар. А по мере дальнейшей мысленной проработки сей гениальной идеи – трансформировал ее в банковскую, как более приближенную к меняльным домам Кушинара.

– Ты бывший «ночник», Адыгей, ты не хуже меня представляешь, сколько золота лежит по виллам да городским домам. Держи пергамент. Я набросал некоторый план, как совершенно законно сделать эти деньги нашими. Я не шучу – нашими. Одному мне это дело не потянуть, а с помощниками я привык иметь доли в общем деле. Настоящим управляющим будешь ты, а Бехруз прикрытием. Мне, сам понимаешь, будет недосуг заниматься банком – других дел полно. Так что за время плаванья ради всех богов, изучи эту пару свитков, а не только с Эльвирией милуйся. Не увлекайся! Купец хоть и дурак и пьяница, но глаза имеет. Или напоет кто-нибудь из доброхотов. На судне народу много.

С этим напутствием Рус и отправил Адыгея в морской круиз вокруг континента: тирский Далор, расположенный на южном побережье Гелинского моря, пролив Дорога Археев,

Океан, побережье Гроппонта, выступающий далеко на запад пустынный полуостров Тартарол и, наконец город-княжество Кушинар. При хорошем ветре, без захода в попутные порты это романтическое путешествие должно продлиться примерно месяц. Торопиться было некуда, и Рус не хотел раньше времени пугать Бехруза и его неверную жену падением в «зыбучую яму».

Спешить-то Рус не спешил, но Адыгей, поселившегося, разумеется, в офисе будущего банка, в покое не оставлял. Еще за два месяца до отказа больших меняльных домов открыть общее с князем дело, бывший «степной волк» гулял по крупным городам ойкумены, прикупая или арендуя подходящие здания, нанимал охрану для будущей «меняльной лавки».

Рус отправлял его по старым координатам, когда-то стоившим тогда еще простому секретарю Пирку – а теперь фактическому наместнику князя, или, как здесь называли, райгойду Кушинара, – приступов сердечной жабы и седых волос. Хвала богам, все обошлось: неосторожно данная клятва не нарушилась, и все карты с координатами незаметно вернулись в гильдейский архив, будто и не пропадали вовсе.

Адыгей, верхом на спокойной серой кобыле по кличке Крупинка, обычно уходил под утро, после быстрой проверки безопасности выхода из «ямы» лично Русом. «Степной волк» изображал раннего путника – приказчика богатого кушинарского купца и вместе с первыми солнечными лучами проникал сквозь городские врата, по всем местным правилам честно заплатив пошлину. Кое-где приходилось пристраивать Крупинку в специальных, для того и предназначенных конюшнях и покорять город пешим ходом; в иных городах предлагали свои услуги многочисленные кули – ничем не отличимые от своих земных азиатских коллег, а в некоторых полисах разрешалось передвигаться верхом на животных. Ойкумена оказалась большой и разнообразной – это поразило молодого тиренца, ранее не покидавшего родных пределов. Если о Месхитии, Галатии, Гроппонте, Кафарии, естественно, о соседней Эндогории, о Фракии – родине любимой женщины – он знал или слышал, то об иных странах, объединенных, пожалуй, только верой в «общепризнанных» богов, зачастую за вычетом одного-двух (да простится им святотатство!), да распространением гелинского языка – и в потаенных мыслях не подозревал.

В первом же городе, в Гиркатласе – столице Гириканского царства, затерявшегося в восточных болотах ойкумены, имеющего в своем составе одноименное альганское пятно (размерами меньше Кафарского) и на севере граничащего с каганским обиталищем по имени «Проклятое», не оказалось Храма Эола, почитаемого бывшим «волком». Пришлось ему найти храм всех богов и помолиться в нем. И удовлетворенно отметить: «Вот оно – просвещение. Если есть за что благодарить коварных эндогорцев, то только за приобщение нас к общим божествам». – И Адыгей, обходя центральную колонну, еле сдерживая слезу от нахлынувшего экстаза, с удовольствием восхвалил все двенадцать общегейнских богов-месяцев: Селена, Эос, Гидрос, Эскулап, Эребус, Гелион, Гея, Пирений, Меркурий, Лоос, Эол, Аресилий. Шел от начала года – холодной Селены, до конца – чуть менее холодного Аресилия, который в военной хитрости своей держал у себя самую длинную в году ночь.

Адыгей, почитавший Предков больше, чем непредсказуемого Сильнейшего Эола, сам не ожидал от себя такой полноты чувств. Где-то на краю ойкумены, даже в большем захолустье, чем его родной Тир, эти общие боги словно сплели его со всей землей, со всеми жившими на ней людьми. Тиренец тогда впервые заметил, что черты лица Эребуса размазались, а Лоос – изменились. Причем он не мог сказать, как именно, но изменились – это точно. Какой-то глубиной своей, да, пожалуй, постарше стала.

«Ой, верно говорил Рус – Лоос не погибла, а сменила сущность. Это же видно!» Впрочем, бывший «ночник» недолго предавался непривычной для него ностальгии. Она в принципе появилась исключительно из-за того, что молодой степняк впервые оказался на краю земли, в каких-то дарковых болотах, в забытых Предками далях, в проклятом гнилыми

гулями месте. Через полстатера тиренец вздохнул, помотав головой стряхнул наваждение, и весь религиозный экстаз пропал. Еще раз вздохнул и пошел прочь из Храма. Пора было приступить к выполнению поручений Руса.

Не верил Адыгей в эту глупую затею – «банк!»: «Солидные состояния и так в надежных подвалах хранятся, даже более надежных, чем те, которые Рус предлагает в банках устроить. Средние деньги дома в тайники прячут и добровольно с ними ни за что не расстанутся, а у бедных людей и денег-то особых не бывает, им бы из декады в декаду прожить», – рассуждал он, но распоряжения исполнял в точности. Потом выезжал из города к месту прибытия, «звонил» и отправлялся домой – под крылышко Эльвирии. Если повезет, конечно. Сильно они не нагтели – спали все же в разных комнатах.

Но сначала, конечно, подробно отчитывался. Рус узнавал точное расположение снятого дома – будущего банка, обязательное наличие в нем подвала, отмахивался от нелестной оценки качеств нанятых охранников и всегда интересовался: «И как там?..» Адыгей прекрасно понимал, о чем он.

– Рабство отменено царским указом, археи сильно не возмущались. – рассказывал он о первом путешествии, в Гирикан. – Там все равно пятно рядом, туда почти все убежали. Как и везде – цепи терялись, колодки раскалывались. Да! Там каторга крупная, в болотах недалеко от столицы, железо выкуривают, – так оттуда узники не освободились почти никто. Видать, по делам сидели. И вообще, порядок у них в столице, не смотри, что край земли.

– Да уж не дальше Тира! – усмехнулся Рус, но сразу поправился: – Нет, конечно, еще большая глушь, добраться туда трудно... Альганское пятно признали?

– Хм. – Адыгей ненадолго задумался и выдал очень уверенно: – Полгода не пройдет – признают! Понимаешь, оттуда рабы, в смысле уже не рабы, свободно в город заходят и, представляешь, хлебом торгуют! В Гиркатласе, как и везде, цены до небес взлетели, простите, боги, за такое сравнение. Там же все привозное. Вот и получается, что бывшие невольники, считай, своих хозяев кормят, как в старые времена! Только теперь уже за деньги, на равных. Вот на это археи бесятся. А больше, Рус, купцы. Потому что цену у них сбивают. А царь там башковитый – по всему видно – хоть завтра то царство... как его...

– Республика Эледриалия, – подсказал Рус. Бывший «волк» уже не удивлялся его осведомленности, особенно во всем, что касается пятен. – Но это у них ненадолго. Поиграются в демократию и царя изберут. Боги не жалуют эти игрища, им нужен помазанник, который... ладно, продолжай, – но сам все же додумал: «...не даст народу отойти от веры. И Эледриас с царской помощью прижмет жрецов, а то распоясались они там совсем, деньги за агитацию с кандидатов тянут», – и сквозь эту мысль слышал Адыгея:

– Нет, Рус! – Тиренец даже обрадовался ошибке князя. – Та республика с декаду как кончилась! Царство там. Отстал ты, Каган. – И внимательно проследил за реакцией Руса. На его лице не дрогнул ни один мускул, но Адыгей каким-то образом понял, что больше «ночного князя» не существует: «ночь» ушла окончательно... так же, как от него самого. – Поэтому я и даю самое долгое – полгода до признания. Могу поспорить!

– Ишь ты! А давай, ради интереса!.. – Рус весело подмигнул и сразу посерьезнел. – Нет, Адыгей, прав ты. Скоро там банк заработает, это все ускорит. Ладно, пора спать расходиться. Завтра в Рению⁴ пойдешь...

Смышленный Адыгей сразу догадался и о следующих трех маршрутах: Кафария – к последнему альганскому пятну, Гроппонт и снова в Гирикан, только на север, к границе с варварами племен Понгов и Струров, – к Гроппонтскому и Проклятому каганским пятнам. Рус зачем-то хотел расположить свои банки неподалеку от новых государств, которые

⁴ **Княжество Рения** – запад ойкумены, между Гроппонтом на юге и пустыней Тартарол на севере. Небольшое альганское пятно «Сикийское» лежит большей частью в пустыне, но граничит с Сикийней – провинцией Рении.

во всех шести пятнах уже появились или в скором времени возникнут. Эндогорское пятно, для Адыгея почти родное, не считается: в нем Рус обосновался ранее.

Хитрый тиренец угадал ровно на одну треть: он действительно посетил Кафарскую Горгону, но после отправился по богатым столицам центральных стран ойкумены: той же Кафари, Месхити, Галати, Фракии и тройке других. «Наконец-то я в денежных местах побывал, – восторгался прагматичный степняк, – богато живут! И это они еще жалуются на взлет цен после бегства рабов?! Вот кого обмануть не грех! Простите, Предки и Сильнейший!» Бывшие каганские пятна в то время Руса не заинтересовали, и сообразительный Адыгей предположил: «Князю, видят боги, и Кальвариона – вотчины его супружницы – до судорог в щиколотках хватает», – и в общем-то он был прав.

«Степняк-южанин» у Адыгея было на лице написано, но никто не удивлялся тому, что он служит северянину-кушингу. Кушинарские купцы «гremели» по всей ойкумене: в редких странах не ступала нога этого пронырливого народа, по слухам – невероятно богатого. Поучиться торговому делу у них мечтали многие начинающие купцы и во всех странах молодому Адыгею завидовали. Разве только в Месхитополе произошел один казус.

– Значит, ты, уважаемый, тиренец, но служишь кушинарскому Торговому Дому? – с подозрительным прищуром уточнил хозяин одноэтажного дома с подвалом.

Мужчина средних лет типично месхитинской смуглой внешности оказался неудачливым купцом. На чем-то погорел и теперь вынужден был распродавать все, что у него имелось. Конкретно этот домик, его первую собственность, где прошли его лучшие годы, он старался сохранить себе как память и как талисман для привлечения удачи. И надо же! Капризная богиня (хвала тебе, безымянная!) в первую же декаду после начала распродажи имущества слышит его – появляется незнакомый парень и предлагает выгодную аренду. Только...

– Да, уважаемый, – как можно степенней ответил Адыгей, – один кушинарский купец привез в Далор войско этрусков, и я к нему напросился. Давно мечтал поучиться торговому делу.

– Поучиться у кушингов... – Хозяин словно вторил ему и вдруг взорвался: – А знаешь ли ты, что я продаю все, что нажил за всю свою честную жизнь, именно благодаря купцу-кушингу! Да чтоб Тартар добрался до него еще живого!

Покрасневший месхитинец в сердцах потрясал руками, а спокойный тиренец скрытно зажал в ладони метательный нож и незаметно просчитывал пути бегства. Но весь его облик выражал только искреннее сочувствие к обманутому человеку.

Давно, более двух лет назад это произошло, через месяц после «Ссоры богов». Коварный кушинг убедил тогда честного месхитинца купить по дешевке партию рабов, которую хотел отправить в Кушинар, но Звездные тропы перестали работать. Месхитинец поверил.

– Ты бы видел тех дев, тиренец! – воскликнул купец, и его глаза на мгновение заволокло поволокой. – В гаремы северных варваров предназначались. И Звездные тропы окупились бы, я поверил.

– Он наверняка торопился, – нейтрально произнес Адыгей, не понимая, в какую сторону повернется гнев хозяина. – Кушинги очень трепетно относятся к обороту денег.

– Вот! Вот, уважаемый! Точно так он мне и сказал! Убедил, что я могу их, не торопясь, по морю доставить.

– Так в чем обман, уважаемый? – осторожно поинтересовался тиренец, с облегчением замечая, как остывает накал месхитинца.

– А то ты не понял?! Сбежали все девы буквально через пару декад! Кстати, здесь, в этом доме сидели. – Хозяин оглянул обстановку, и Адыгей уловил в его взоре нечто большее, чем сожаление о потерянных деньгах. «Ого! А он наверняка женат, а девы на то и девы,

чтобы ими же и оставаться перед продажей. Любил поиграть, хозяин? Тогда ты сам был рад обмануться, кушинг ни при чем».

– Так кто бы мог знать... – начал было говорить Адыгей, но купец его бесцеремонно перебил:

– Он знал точно! Я в этом уверен и сейчас тебе докажу. – С этими словами хозяин дома забежал в соседнюю комнату. Адыгей, звеняще-расслабленно, готовый к чему угодно, даже, как ему показалось, уйти от стрелы, как это легко проделывал Рус, прождал десять ударов сердца, а увидел то, чего не ожидал встретить ни при каких обстоятельствах: пергаментный свиток, перевитый красным шелковым шнурком с тремя кисточками, сшитыми в виде лилии, – обычно так оформлялись поэмы.

– Смотри, уважаемый тиренец, – быстро говорил хозяин, раскручивая свиток, – это модная поэма Агриппы «Приключения...», точно не помню, но про этрусского принца. Жена обожает такие истории. Нашел. Читай. – И тут же переменял решение, бестактно указывая на возможную неграмотность варвара-тиренца: – Нет, сам прочту: «И попросил Рус своего приемного отца, великого Френома, бога всех этрусков, распространить свою Волю на всю Гею; Волю свободолюбия, Волю силы...» Понятно, тиренец? – Прочитав текст, месхитинец успокоился, как после молитвы, а спросил с открытой усмешкой, наверняка ожидая ответа, что ни дарка не ясно.

Адыгей не разочаровал: не в силах оставаться невозмутимым, молча покачал головой: «Кто такой этот Агриппа?! Непременно достану такой свиток».

– А то, степняк, что Рус тогда уже победил в гражданской войне, и Этрусия пошла завоевывать Кушинар. – Справедливости ради, надо поправить: в то время о завоевании кушингов речи еще не шло, но послезнаниями все мы сильны. – Купец об этом был прекрасно осведомлен, он же был из Дома председателя их Гильдии, как его... не подскажешь?

– Сейчас Рид, а раньше...

– Гранк! Вспомнил! А рабынь я у его родственника Ланта покупал, чтоб и он и они провалились к Тартару непременно живыми! – Адыгей впервые слышал ругательство с таким оригинальным пожеланием.

– Уважаемый! – Тиренец неожиданно для себя разволновался. – И борки, бывает, с рогами рождаются! Я учусь у кушингов и до твоего не очень доказательного рассказа обмана в торговле у них не встречал. – Адыгей не кривил душой. Просто он «учился» всего лишь месяц.

– Как недоказательный?! – Хозяин снова возмутился не на шутку. – Еще прочесть?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.